

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

VI Международная научная конференция

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва

УДК 93
ББК 63
И90

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Искаков, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Р. М. Искаков (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова (Россия), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

И90 **Исторические исследования** : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2018 г.). — Москва : Буки-Веди, 2018. — iii, 40 с.

ISBN 978-5-4465-0947-8

В сборнике представлены материалы VI Международной научной конференции «Исторические исследования». Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

ISBN 978-5-4465-0947-8

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ролдугин А.В.

Тактика Ганнибала во время его италийского похода 1

Соболева Э.П.

Латыши в Испании 3

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Гизатуллин Р.А.

Л.Д. Троцкий: май – июль 1917 г. 6

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Бабенко О.В.**

Становление русской национальной оперы: исторический аспект 15

Бакарягин С.С.

Формы материальной поддержки дворян-землевладельцев во второй половине XIX века 22

Мальцев С.Н.

О малоизвестных работах ученого Олега Лосева 25

Попов Н.М., Муратов Д.М.

Истоки и причины создания сталинской модели экономики 29

Рязанцева Ю.А.

Эвакуация писателей в Ташкент в 1941 году. 31

Чупрасова Д.С.

Репрезентация военной истории России в творчестве группы Sabaton 33

АРХЕОЛОГИЯ

Нуридинова Т.С.О монетах Средней Азии, хранящихся в нумизматической коллекции
Государственного музея искусств Узбекистана 36

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Тактика Ганнибала во время его италийского похода

Ролдугин Анатолий Викторович, студент
Воронежский государственный педагогический университет

Блестящим сражением второй Пунической войны является битва при Каннах, во время которой было произведено окружение противника практически вдвое меньшими силами и полное уничтожение его армии. А тактика ведения боя Ганнибалом стала не просто примером для римских войск, но и большим шагом вперед в области военного искусства.

Важнейшими источниками, описывающими период второй Пунической войны, являются данные Полибия [4] и Тита Ливия [3].

Известно, что Полибий писал свой труд, опираясь не только на исторические источники, но и на разговоры с очевидцами событий, в частности, с воинами, входившими в состав карфагенского войска во время второй Пунической войны. Подход Полибия, основанный на активном исследовании истории и собственном политическом опыте, делает его труды значительно весомее, чем работу Тита Ливия. Стоит отметить, что «Полибий много путешествовал: он побывал в Малой Азии, Северной Африке, Испании, Галлии, Северном Причерноморье, на Сицилии, переходил Альпы, совершил плавание вдоль западного побережья Африки. Несомненно, он имел практический опыт ведения военных действий...» [2, с. 25]. Ему удастся обстоятельно описать события второй Пунической войны. В. И. Кашцев сообщает, что «многое, изложенное Полибием, нельзя принимать безоговорочно, поскольку его отношения с родом Сципионов были более чем дружественные. Большую часть своих трудов, касающихся второй Пунической войны, он написал, опираясь на ими изложенную историю. Есть даже определенные сомнения в том, что именно Гай Теренций Варрон проиграл битву при Каннах, а не погибший тогда Эмилий Павел. Также есть сомнения в описании битвы при Заме, в которой Ганнибал проигрывает молодому и неопытному, то есть совсем на него не похожего, полководцу». [2, с. 28–29]. Исследование трудов Тита Ливия дали негативные результаты: «как научное произведение, история Ливия не стоит на высоте своей задачи. Ливий — повествователь, а не исследователь. Его труд строится как художественное переложение сообщений предшествующих историков, без самостоятельного привлечения документального материала. К случайному и некритическому подбору источников присоединяется недостаточная подготовка Ливия в военных и политических вопросах, нечеткость географических представлений. Наконец, по глубине осмысления

исторических событий Ливий значительно уступает таким историкам как Фукидид, Полибий или даже Саллюстий». [6, с. 232]. Но, несмотря на столь критичные отзывы, Ливий хоть и не дает необходимой картины для историка, но существенно дополняет Полибия, в некоторых местах указывая события, не затронутые им.

Историография исследования опирается на труды К. А. Ревяко [5], И. М. Тронского [6], В. И. Кашеева [2], Г. Дельбрюка [1].

К. А. Ревяко в монографии «Пунические войны» исследует войны Рима с Карфагеном на рубеже 264–146 гг. до н. э.. Автор повествует о величии Карфагена сравнивая его с величием Рима. В исследовании комплексно рассматривается тактика ведения войны, роль полководцев в каждом сражении.

Монография И. М. Тронского представляет собой изучение вопросов античной литературы. В ней отражена работа над памятниками письменности, в частности над «Историей Рима от основания города» Тита Ливия. Однако В. И. Кашеев в статье «Полибий и его «прагматическая история» утверждает, что сочинение Полибия — основной памятник изучения античной истории. Полибий, по мнению В. И. Кашеева, подробно и обстоятельно описывает события изучаемого нами периода.

Труд Г. Дюльбрюка опирается на историческую и военно-историческую литературу, главным образом немецкую. В рассматриваемой исследовательской работе мы находим описание стратегии и тактики, описание вооружения, методов ведения боя и военной подготовки, интересные экскурсы в политическую историю. Автору удалось подробно описать конкретные сражения, в том числе и события второй Пунической войны и исследуемых выше источников.

Таким образом, обзор научных исследований представляет собой комплекс данных о событиях второй Пунической войны, а также дает представления об античных источниках, рассмотренных нами.

«Став главнокомандующим, Ганнибал решил осуществить план покорения Иберии, переход реки Ибер, Пиренеи и Альп, войти в Италию и начать наступательную войну против Рима. План, возможно, и гениальный, но неимоверно трудный для исполнения». [5, с. 126]. Первоначально им была проведена разведочная работа во вражеском тылу, которая дала посланцам Ганнибала возможность собрать «необходимые сведения о плодородии

земель, по которым будет двигаться его армия, о количестве населения и его воинском мастерстве». [5, с. 130]. Полибий дает данные о самом Ганнибале: «обладая гибким умом и изобретательностью, Ганнибал для достижения поставленных целей прибегал к оригинальным и неожиданным для неприятеля мерам». [4]. Таким образом, полководец мог использовать полученные знания о внешнеполитической ситуации, которая заключается в разделении римской армии на два направления: война в Иллирии (области в северо-западной части Балкан) и военные действия в долине реки По (в Северной Италии). Следствием такого разделения явилось складывание антиримского союза местных племен.

В такой благоприятной внешнеполитической обстановке карфагенская армия неожиданно напала на богатый испанский город Сагунт, союзника Рима. После восьмимесячной осады Сагунт был взят приступом и разрушен до основания. Это дало повод римскому сенату объявить о разрыве мирных отношений с Карфагеном. Так началась вторая Пуническая война. Затем армия Ганнибала в начале 218 года до н. э. перешла реку Эбро и покорила к северу от нее иберийские племена и следом совершила переход через Пиренеи у средиземноморского мыса Креуз; привлекла на свою сторону племена галлов на юге современной Франции. Таким образом, полководец осуществил ряд задач, поставленных перед походом в Италию. Помимо привлечения на свою сторону недавно покоренных римлянами племен, он добился от них покорности и снабжения своей армии бесплатным продовольствием, также нашел хороших проводников для перехода через Альпы. Так, «в сентябре 218 года Ганнибал подошел к Альпам, он еще раз убедился в точности своих планов и расчетов». [5, с. 135]. К ним относится опытная организация переправ животных: слонов на плотах, покрытых землей, лошадей на кораблях. Сам переход занял пятнадцать дней, после чего карфагенские войска появились на равнинах Северной Италии, чем «полностью изменили план ведения войны, составленный в Риме». [5, с. 137]. Следовательно, дальнейшие победы карфагенского войска обусловлены большим количеством продовольствия и хорошо подготовленной армией, которая являлась дисциплинированной и хорошо обученной военному мастерству.

Состоявшееся далее сражение на реке Треббия ознаменовано еще одной победой карфагенян. Сражение проходило так: римляне расположились в хорошо укрепленном лагере и не желали выходить для битвы в открытое поле. Однако Ганнибал перехитрил Сципиона и Ланга: он позволял противнику одерживать легкие победы над своими небольшими отрядами. В декабре 218 года до н. э. ложная атака нумидийской конницы, прошедшей реку и выманившей из лагеря за собой римскую конницу, стала прологом большой битвы. Вслед за конницей он вывел из лагеря пехоту, которая форсировала Треббью и основательно промерзла в холодной речной воде. Битва началась с действий

легкой пехоты, а закончилась фланговыми обходами более многочисленной карфагенской конницы. Римские войска были разгромлены, особенно большие потери понесла их кавалерия. Римляне отступили на юг, а карфагеняне заняли всю Северную Италию. К. А. Ревяко утверждает, что «мощь карфагенской конницы, моральная неустойчивость римской армии и неверность союзников-кельтов обеспечили победу Ганнибалу. Малодушные римлян в этой битве стало одной из главных причин их поражения». [5, с. 135]. Нельзя не отметить сильнейшее сражение 217 года до н. э., произошедшее на берегах Тразименского озера. В ходе сражения римляне попали в засаду, устроенную им карфагенянами в дефиле у Тразименского озера. Фламиний во главе своей армии, без должной разведки, в предсветном тумане выступил в путь. Балеарские стрелки, африканская пехота и пешие галлы неожиданно напали с гор на колонну римлян. Пятнадцать тысяч римских легионов, в том числе и Фламиний, были убиты. Следовательно, «сражение у Тразименского озера — редкий в военной истории пример успешного нападения одной армии на другую из засады». [5, с. 138]. Так, карфагеняне получили плодородные земли, покорили другие народы.

В 216 году до н. э. при Каннах состоялось большое сражение, в ходе которого римская армия под командованием Варрона и Эмилия потерпела поистине сокрушительное поражение. К. А. Ревяко подробно рассматривает и его, повествует, что «карфагенские воины были расположены удобнее, чем римские: они стояли к ветру и солнцу спиной, римлянам в лицо дул ветер и нес песок, слепили лучи солнца. Широкая равнина позволяла Ганнибалу еще раз показать преимущества своей конницы. Сражение начали легковооруженные войска. Вначале успех сопутствовал римлянам, так как Ганнибал специально ослабил центр полумесяца, и римская пехота смогла дать отпор встречным войскам. Римляне воспряли духом и, пренебрегая осторожностью, начали преследовать пехоту, которая медленно отступая, увлекла противника в центр своих войска. Затем стремительной атакой конницы с обоих флангов и с тыла пунийцы взяли в клещи часть римской конницы и почти всю пехоту. Раненый консул Павел прибыл в центр, надеясь еще спасти армию от разгрома. Легионы быстро перестраивались и клином врезались в центр карфагенян. Но молниеносная атака пехоты справа и слева остановило римлян. Гасдрубал по приказу Ганнибала в третий раз быстро перестроил тяжелую кавалерию, чтобы напасть с тыла на римскую пехоту. Этим ударом и был решен исход сражения. Бегство было исключено. Бой превратился в кровавую резню, жертвами которой стали римляне. Итак, тыловая атака карфагенской конницы была решающей на поле сражения при построении армии полумесяцем». [5, с. 157–158].

Резюмируя выше сказанное, стоит отметить, что тактика ведения боя, описанная в вышеприведенных битвах, поражает своей оригинальностью. С каждой битвой она становилась еще сложнее, однако ее апогей произошел во время

битвы при Каннах. Сражение при Каннах стало первым примером нанесения главного удара на обоих флангах, окружения крупных сил неприятеля и его полного уничтожения. Ганнибал решался на рискованные действия, о которых Г. Дельбрюк говорил: «Как ни правильно, то положение, что более слабой стороне не следует обходить неприятеля одновременно с двух сторон, ибо этим

чрезмерно ослабляется центр, Ганнибал решился наперекор этому правилу окружить с 50000 человек неприятельское войско в 70000 и почти уничтожил его в этом железном кольце». [1, с. 160]. Хитрость, внимание Ганнибала, быстрота принятия решений и безусловно плохая организованность римской армии «обеспечили карфагенскому полководцу всемирно известную славу». [5, с. 162].

Литература:

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Г. Дельбрюк. — СПб.: Наука, 1999. — Т. 1. — 418 с.
2. Кашеев В. И. Полибий и его «прагматическая история» / В. И. Кашеев // Античный мир и Археология. — 2002. — № 11. — С. 23–30.
3. Ливий Тит. История Рима от основания города / Тит Ливий. — М.: Наука, 1991.
4. Полибий. Всеобщая история. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко / Полибий. — СПб.: Наука, 1994–1995. — Т. I–III.
5. Ревяко К. А. Пунические войны / К. А. Ревяко. — Минск: Университетское, 1988. — 274 с.
6. Тронский И. М. История античной литературы / И. М. Тронский. — М.: Высшая школа, 1988. — 464 с.

Латыши в Испании

Соболева Элина Павловна, учитель истории и обществознания
ЧОУ СОШ «Ступени» г. Солнечногорска (Московская обл.)

Республика, революция и мятеж — таков путь Испании с 1931 по 1936 г. Уже в 1936 году, пять лет спустя после установления республики, Испания неудержимо двинулась к гражданской войне. Для одной части мира испанская война стала великой демократической и антифашистской битвой, национально-революционной войной, для другой это была «национальная» война, которую называли крестовым походом. Но на испанской земле решалась не столько судьба Испании, но и определялось будущее всей Европы. В условиях войны, высшей формой проявления солидарности стало появление интернациональных бригад, прибывших в Испанию из 53 стран. Среди них были и латыши. Трудовой народ Латвии всегда боролся против господства буржуазии, за то, чтобы восстановить на своей земле Советскую власть [1, с. 6].

Революционную борьбу латышского народа возглавила Коммунистическая партия. С августа 1936 года рижский комитет КПЛ начал обращения к трудящимся о поддержке Испанского фронта в его борьбе с фашизмом. Со второй половины июля 1936 года фашистская печать Латвии в едином хоре с прессой других капиталистических стран «вопит и ликует по поводу Гражданской войны в Испании. Она торжествует по поводу каждой победы генералов Франко и Мола, с хищной радостью называет число убитых на фронте воинов Народного правительства, но сознательно умалчивает о зверских истязаниях и о числе убитых и захваченных фашистами городах и селах. Она величает героями-мучениками эксплуататоров народа, самоотверженных борцов против трудового испанского народа,

самоотверженных борцов против фашизма она презрительно именуется разбойниками, грабителями и варварами» [1, с. 475–477].

Таким образом, с помощью рупоров общественного мнения — радио и печати, распространялась ложная информация о разгроме военных сил испанского Народного правительства, о взятии не занятых ими городов и т. д. Международная буржуазия пыталась ввести в заблуждение весь мир, который так внимательно следил за событиями в Испании. Однако, исследователи гражданской войны И. М. Майский и В. К. Пискорский не раз отмечают, что «положение Народного правительства в гражданской войне в Испании отнюдь не являлось критическим. В такой войне фронты всегда неустойчивы, покуда одна из сторон не добьется решающего перевеса» [2, с. 210].

Рассматривая причины подобной лжеинформации и обратившись к истории, нельзя обойти стороной тот факт, что после победы в 1934 году в Латвии авторитарного режима, борьбу рабочих и крестьян против фашистского режима возглавила именно Коммунистическая партия. Поэтому фашистский террор загнал партию в глубокое подполье, но уничтожить ее так и не смог. Попав под фашистский контроль, печать КПЛ стала носить специфический характер, не отличающийся объективностью.

Опасаясь угрозы захвата Латвии гитлеровскими войсками, рижский комитет КПЛ писал: «Чтобы успешно развивать натиск на безумствующий фашизм, трудящиеся Латвии должны направлять в адрес фашистского правительства Латвии, а также иностранных посольств послания

и резолюции, требующие вывода военных судов из испанских территориальных вод, прекращения финансовой и дипломатической поддержки испанских фашистов, запрещения посылки им оружия и боеприпасов и подготовки интервенции. В адрес же Республиканской Испании мы должны посылать письма и телеграммы, свидетельствующие о наших симпатиях. Мы должны собирать средства в пользу борющейся Испании и настаивать на том, чтобы в пользу Народного правительства выделялись средства из фронтов фашистских (легальных) профсоюзов, как это делают профсоюзы других стран» [3, с. 475–477].

Из статьи, опубликованной в газете «Шкирас Фронте» (Классовый фронт. — орган Рижского комитета КПЛ) о необходимости поддерживать народный фронт Испании мы узнаем, что спустя месяц войны в Испании фашистская печать Латвии по-прежнему продолжает искажать сообщения. А трудящиеся с нетерпением ждут газет и пытаются что-нибудь узнать о действительном ходе событий. Автор статьи прекрасно осознавал, что победа Испании станет большим ударом по фашистской диктатуре в Латвии, а ее поражение, несомненно, усилило бы военно-фашистскую диктатуру. Поэтому в таких условиях каждый должен стремиться помочь испанским товарищам по борьбе, ведь «испанских заговорщиков поддерживают реакционные группы всего мира, но особенно — все фашистские правительства во главе с Гитлером, который является вдохновителем этого заговорщического мятежа. И поэтому в таких условиях ни один рабочий, ни один местный труженик не может не стремиться, не помочь своим братьям, испанским товарищам по борьбе».

С августа 1936 года «Красная помощь» сообщила об открытии КПЛ компании помощи и сбора средств, для поддержки жертв фашистов. Прозвучал призыв вносить деньги [2, с. 478]. Помимо воззваний, события в Испании довольно широко освещались в нелегальной печати. Но 23 февраля 1937 года было опубликовано «Постановление министра внутренних дел в связи с правительственным запретом для латвийских граждан участвовать в испанской революционной национальной войне». Кабинетом министров было постановлено: 1. Запретить: — открытие контор по вербовке добровольцев на гражданскую войну в Испании. 2. Гражданам Латвии запрещается предлагать свои услуги той или иной из воюющих сторон Испании, а также поступление на службу одной из этих воюющих сторон. Поступление на такого рода службу является противозаконным и что им по возвращению в Латвию грозит наказание» [2, с. 480–485].

В соответствии с этими указаниями правительством была предпринята мера: отмена всех имеющих силу иностранных паспортов. А гражданам Латвии, которые по особым важным причинам желают выехать в Испанию, следует обращаться за разрешением в Административный департамент МВД. В таких труднейших условиях подполья и жестоких репрессиях постепенно росло и крепло движение солидарности трудящихся Латвии с героическим испанским

народом. Этим движением руководила Коммунистическая партия и ее помощники: Союз Трудовой Молодежи Латвии и «Красная помощь» — латвийская организация МОПРа. В республиканскую Испанию из Латвии посылались нелегально собранные средства, туда уезжали латвийские добровольцы, чтобы с оружием в руках сражаться против фашизма [2, с. 7].

В Испанию отправлялись также и многие участники революционного движения в Латвии, проживавшие и работавшие в Советском Союзе: Д. С. Бейка, Я. К. Берзинь, К. И. Янсон, В. И. Кумелан, П. И. Пумпур, Х. И. Салнинь, Г. К. Шпонберг, П. М. Арман и другие. Больше всего добровольцев из Латвии — около 30 человек — сражались в артиллерийских подразделениях Интернациональных бригад [3, с. 7].

До Испании добирались разными путями, большинство через Францию, где получали помощь МОПР. Борис Цинис в воспоминании «Станем ядром грядущих сражений в Испании», отмечал что «несмотря на сложность выезда из Латвии (любому сколько-нибудь «подозрительному человеку» трудно получить заграничный паспорт, и в путь приходится отправляться нелегально) по всей Испании нас все же наберется не мало. Когда я уезжал, желающих ехать было немало, но дорога действительно очень трудна. Лично мне пришлось ехать с чужим паспортом, так как мне заграничный не выдали: пришлось обращаться в политуправление, а оно наложило свое вето» [4, с. 79–80].

Но не менее сложным оказался и путь обратно. В октябре 1938 года республиканское правительство начало отвод интернациональных бригад с фронтов и их репатриацию. 28 октября в Барселоне состоялся прощальный парад интернациональных бригадцев. Латыши получили разрешение сформировать свободный батальон, к ним присоединились литовцы и эстонцы. Три месяца батальон находился под Барселоной. Когда 26 января 1939 войска Франко заняли город, бойцы у которых остались только карабины и два ручных пулемета, с боями отступали к французской границе.

Во Францию хлынула волна беженцев, около четырехсот тысяч человек оказались на ее территории. В двадцатые годы, в связи с нехваткой рабочей силы, французское правительство поощряло иммиграцию. Однако экономический кризис тридцатых годов привел к тому, что иммигранты стали рассматриваться как угроза экономике и культуре. В 1938 г. были приняты жесткие иммиграционные законы, призванные «очистить» страну от «нежелательных элементов». Для этого их всех было решено препровождать в места заключения. Это решение привело к возникновению разветвленной системы лагерей различного типа. Все бывшие воины были загнаны в концентрационные лагеря. Нахождения в таких ужасных условиях многие не выдерживали. Р. Фельс вспоминает, что в лагерях часто происходили переполохи, попытки бегства. Обращаться за помощью к местному населению они

не могли, так как напуганные шпиономанией люди нередко выдавали наших беглецов властям.

Но почему Латвия не могла позаботиться о своих гражданах? Правительство считало сражение на демократической стороне Испании преступлением и возможно, поэтому отказывалось заботиться о судьбе своих граждан. Рассчитывать на помощь других стран также не приходилось, так как беженцы считались бременем для государства.

Прослеживая динамику отношения латвийских властей к ситуации в Испании, можно отметить, что находящиеся

под давлением авторитарной власти, Латвийское правительство в первый год войны придерживалось политики невмешательства. Но в августе 1936 года по стране прокатились воззвания с призывом сбора денег для союзной республики. И если из СССР ехали специально подготовленные люди, то из Латвии ехали обычные стеклодувы, рабочие телефонной сети, механики. Разный образ жизни, обычаи, привычки, характер, язык... все это не стало помехой для латышей в преданной и отважной службе за испанский народ. Их служение стало самым ярким примером солидарности с испанским народом.

Литература:

1. И. М. Майский. Испания. 1918—1972. Исторический очерк. М., 1975.
2. И. М. Майский. Из истории освободительной борьбы испанского народа. М., 1959.
3. Борцы Латвии в Испании. Рига., 1970.
4. Б. Цинис. Станем ядром грядущих сражений в Испании // Борцы Латвии в Испании...

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Л.Д. Троцкий: май – июль 1917 г.

Гизатуллин Рауф Артурович, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье дается обзор деятельности Л.Д. Троцкого в мае-июле 1917 г. Предпринимается попытка выявить логику действий и политическую позицию Л.Д. Троцкого. Рассматриваются взаимодействие Л.Д. Троцкого с социал-демократическими партиями, причины сближения с большевиками.

Ключевые слова: Л.Д. Троцкий, «Межрайонный комитет», большевики, В.И. Ленин, меньшевики, эсеры, политическая позиция.

Л. Д. Троцкий как политик, как революционный деятель — как нельзя актуален. Во-первых, Троцкий — участник событий бурного 1917-го, 100-летний юбилей которого мы отмечаем совсем недавно, член большевистской партии и председатель Петроградского Совета на момент Октябрьского восстания. Изучение его деятельности, следовательно, будет способствовать выявлению новых подходов к изучению Русской революции. Во-вторых, политическая борьба в РКП (б) в 1920-х гг. не мыслима без обращения к Троцкому, хотя бы потому, что он — один из ее активных участников (лидер т. н. «левой оппозиции»). Троцкий же, как и его оппоненты, при обосновании собственного положения в истории партии и мирового революционного движения не раз прибегал к событиям 1917 г. (достаточно вспомнить «Уроки Октября»). Между тем деятельность Л. Д. Троцкого в 1917 г. и в особенности в мае-июле этого года, от возвращения из II-й эмиграции в Петроград и до вступления в РСДРП(б) изучена слабо. Русскоязычные работы, посвященные Л. Д. Троцкому, или «грешат» тенденциозностью (Д. А. Волкогонов), или ограничиваются перечислением ключевых моментов этого периода, не подвергая их обстоятельному анализу (Н. А. Васецкий, И. Дойчер, Ю. Г. Фельштинский и Г. И. Чернявский). Данная статья направлена на заполнение этой лакуны.

Таким образом, целью данной статьи является обзор политической деятельности Л. Д. Троцкого в мае-июле 1917 г. — с момента прибытия в Петроград и до VI съезда РСДРП(б). Отсюда вытекают следующие задачи: 1) рассмотреть деятельность Троцкого по прибытии в Петроград; 2) показать взаимодействие с политическими партиями левого толка в указанный период; 3) определить политическую позицию Троцкого, взгляды на ход развития и перспективы Русской революции; 4) дать объяснение сближению Троцкого с большевиками в июне и в особенности в июле.

Основным источником по изучению деятельности Л. Д. Троцкого, конечно, являются его сочинения, и прежде

всего статьи и речи в Петроградском Совете и на I Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов [13]. Широко привлекаются мемуарные свидетельства участников революционных событий 1917 г., так или иначе соприкасавшихся с Троцким: воспоминания И. Юренева и А. Попова, А. И. Балабановой и Н. Н. Суханова, Ф. Ф. Раскольников [1, 9, 10, 11, 14, 15]. Важно также учитывать собственную оценку Троцким действий того периода, и потому оправданно обращение к его мемуарам [12]. Для представления панорамного взгляда на Троцкого, на его действия неизбежным является также привлечение материалов Петроградского Совета и I Всероссийского съезда (стенограммы), сочинений В. И. Ленина [3, 4, 5, 7, 8].

Поезд с Л. Д. Троцким, его женой Н. И. Седовой и соратником Г. И. Чудновским прибыл на Финляндский вокзал 4 мая 1917 года. Приветствовали их возвращение в революционную столицу России члены «Межрайонного комитета», видевшие в Троцком потенциального вождя своей группы, а также представитель большевиков рабочий-металлист Г. Ф. Федоров.

Следует сказать несколько слов о «Межрайонном комитете». Политическая организация возникла в ноябре 1913 года в Петербурге, в тяжелое для РСДРП время, когда партию раздирали многочисленные, по большей части непреодолимые, противоречия по вопросам политической стратегии и тактики. «Межрайонная комиссия»¹, или, проще говоря, «Межрайонка» ставила своей целью воссоздание партии, фактически переставшей существовать, «снизу, ломая фракции и сплачивая рабочих-партийцев» [14, с. 116]. С разразившейся в 1914 г. Первой мировой войной члены «Межрайонки» заняли интернационалистские позиции, отмежевываясь от «оборонцев» [14, с. 130; 9, с. 97].

¹ По свидетельству И. Юренева, первоначально группа называлась именно так [14, с. 118]. Позже эта группа переименовалась в «Межрайонный комитет», а полное название — «Петербургский междурайонный комитет объединенных социал-демократов большевиков и меньшевиков» [9, с. 95].

Прибывая в Россию, Л. Д. Троцкий, однако, не числился в рядах ни одной из партий или групп. Во время войны, в 1915 г., он проявлял интерес к «Межрайонке»². Один из авторов воспоминаний о «межрайонцах» — А. Попов (Н. Воробьев) объяснял симпатию Троцкого к их группе, в числе прочего, «психологическими мотивами»: в «Межрайонке» он, «находившийся в ту пору в положении лидера без партии, готов был найти свою армию» [9, с. 102]. Это замечание оставалось актуальными и в 1917 г. Без причастности к партии или хотя бы группе, в одиночку, вряд ли можно было успешно бороться за власть, за движение революции вперед. В общем, за что-либо в политике, тем более в вихре 1917-го. Позднее это признавал и Троцкий, в «Уроках Октября» писавший, что «основным инструментом пролетарской революции служит партия» [13, с. XIV]. Таким образом, Троцкий прикнул к «Межрайонке».

А. И. Балабанова в мемуарах отмечала «дурное расположение духа» Троцкого по приезде [1, с. 165]. Как представляется, это связано не только с довольно поздним прибытием его в Петроград, по Балабановой, из-за того, что «политические противники» слабо ходатайствовали за него, боясь конкуренции [1, с. 166]. Возможная причина — тот факт, что основные политические силы были к тому времени обозначены, все значимые политические посты заняты, «пирог поделен». Бывшему же вождю Совета 1905 г. было предоставлено символическое членство в Исполкоме Совета 1917 г.³ В объеме политических притязаний Троцкого, в свою очередь, сомневаться не приходится. На протяжении ряда лет, с 1903 г., этот революционер пытался проводить собственную, «среднюю», линию, затем занимал лидирующее положение в первой русской революции. Наконец, вновь сошлемся на Балабанову. Спросив однажды В. И. Ленина о причинах разногласий большевиков и Троцкого (в связи с вопросом о созыве международной социалистической конференции — Троцкий выступал «яростнее против конференции в Стокгольме, чем большевики»), тот резко ответил: «Вы что же, не знаете?... Амбиции, амбиции, амбиции!» [1, с. 165]. Учитывая вышеизложенное, Троцкий вряд ли ставил перед собой менее амбициозные планы, нежели в 1905 г.

Л. Д. Троцкий не ограничивался «Межрайонным комитетом», а стремился установить контакты и с другими политическими силами, найти возможность вести печатную агитацию (своего центрального органа (далее — ЦО) «Межрайонка» до июня не имела). Так, во 2-й половине мая он вместе с А. В. Луначарским и Д. Б. Рязановым, также

«межрайонцами», наведывается в редакцию газеты «Новая жизнь», издававшейся Н. Н. Сухановым и М. Горьким. Как писал Суханов, «три генерала имели в виду завоевать «Новую жизнь», сделать ее базой своей агитации, идейно-литературным центром неофициальных большевиков» [11, с. 245]. Соглашения, впрочем, достичь не удалось [11, с. 246]. Посещает Троцкий и редакцию «Правды», встречается с В. И. Лениным, Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым [2, с. 75].

Стремлением не оттолкнуть потенциальных союзников можно объяснить и тон первой речи Л. Д. Троцкого в Петроградском Совете 5 мая. Тогда Троцкий, интернационалист и ярый враг «оборончества», сделал акцент больше на всемирном значении Русской революции, нежели на своей политической позиции, лишь попутно, в «мягких и осторожных, не свойственных ему выражениях» [11, с. 171] сообщив делегатам свой скепсис по отношению к коалиционному правительству (вопрос о вхождении социалистов в правительство решался на данном заседании).

В череде событий стоит отметить I Петроградскую общегородскую конференцию объединенных социал-демократов («межрайонцев») 7–10 мая. Конференцию посетили также Ленин, Зиновьев и Каменев. Ленин, отстаивая в это время идею объединения всех социал-демократов, стоящих на почве интернационализма⁴, выступил с предложением объединиться: включить по «межрайонцу» в редакцию «Правды», преобразуемой в популярную газету, и ЦО, 2-х делегатов — в комиссию по созыву общепартийного съезда. Предусматривалась также дискуссия в печати по спорным вопросам [5, с. 302].

Предложения Ленина были оценены Троцким, по словам Н. А. Васецкого, «своеобразно» [2, с. 76]. Согласившись «с резолюциями», тот вместе с тем заявил, что «русский б [ольшеви]зм интернационализировался», а «большевики разбольшевичились». Сотрудничество было признано желательным, но ничего конкретного Троцкий не ответил, к тому же «забраковал» идею совместного участия в газете: «Участие в газете — «менее убедительно» это предложение» [5, с. 303].

Из вышеприведенного можно заключить, что Троцкий, ища союзников, рассматривал большевиков в качестве таковых в последнюю очередь или, по крайней мере, не желал пока связывать себя с ними никакими обязательствами, «не прозондировав» все возможные варианты. Наиболее показателен факт отказа от работы в большевистской печати, ведь без печатной агитации политическая борьба не мыслима. Но, возможно, еще «теплилась» надежда на «захват» «Новой жизни» (встреча с редакцией этой газеты произойдет несколько позже), и именно поэтому Троцкий с видимой легкостью отказался от ленинского предложения.

2 «Несравненно более живо заинтересовался поднятыми нами вопросами т [овариц] Л. Д. Троцкий. Он находил желательным, своевременным и целесообразным образование именно такой группы». [9, с. 101]; «По сообщению тов [арица] Карахана, особенно «симпатично» отнесся к делегату Межрайонки т [овариц] Троцкий» [15, с. 115].

3 Троцкий был включен в состав Исполнительного комитета Петроградского Совета по предложению Л. Б. Каменева — с сощещательным голосом.

4 На основании решения VII (Апрельской) Всероссийской конференции: «признать сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма, необходимым на основе разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму» [3, с. 429].

Для понимания действий Л. Д. Троцкого и его взаимоотношений с большевиками в дальнейшем остановимся на оценке им характера и перспектив Русской революции в статьях американских изданий: газеты «Новый мир» и журнала «Die Zukunft». Статьи были написаны «по горячим следам», в конце февраля-начале марта⁵. В этих статьях Троцкий квалифицирует Февральскую революцию как буржуазную, а политику образовавшегося Временного правительства определяет в качестве империалистической. Остановка движения революции приведет к ее поражению — реставрации монархии. Основными («внутренними») силами революции Троцкий называет «либеральную буржуазию» и «революционный пролетариат». Эти «силы» вступают в конфликт по вопросам государственной формы (Временное правительство, борющееся «за монархию против республики» или «Революционное Рабочее Правительство» на основе Советов) и продолжения войны. Задачи пролетариата, по Л. Д. Троцкому: во-первых, противопоставление Советов, концентрирующих вокруг себя «поднимающиеся народные массы», Временному правительству и взятие власти «Революционным Рабочим Правительством». Во-вторых, борьба за мир. В-третьих, привлечение «деревенских низов» путем конфискации помещичьих, удельных и др. земель. В-четвертых, подготовка созыва Учредительного собрания. В-пятых, преобразование армии в «революционную милицию». Указанные пункты обеспечат движение революции вперед. Таково вкратце видение Л. Д. Троцким характера и перспектив разразившейся революции [13, с. 5–31].

Следует сказать, что идеи, изложенные в вышеуказанных статьях, не носят ярко выраженного программного характера — намечены контуры, направления действий «революционного пролетариата», но не прописаны методы воплощения изложенных идей и сами действия. В большей мере — это агитационные материалы. Здесь уместно и должно вспомнить «Письма из далека» В. И. Ленина, также определяющие характер и перспективы Русской революции. Они носят много более практический характер (насколько это, конечно, возможно) и имеют более ясную (в сравнении с Троцким) программу [3, с. 11–56]. Внимательное прочтение и сопоставление статей Л. Д. Троцкого и писем В. И. Ленина приводит к мысли о невозможности признать тождественность изложенных в них идей⁶.

5 За исключением статьи «1905–1917 (Ближайшие задачи нынешней революции)», опубликованной в «Die Zukunft» (и написанной?) в апреле 1917 г.

6 Л. Д. Троцкий же в предисловии к 3-му тому своих сочинений указывал на то, что «во всем существенном они (статьи — Р. Г.) вполне согласуются с тем анализом революции, который дан Лениным в его «Письмах из далека»» [13, с. LXV]; составитель примечаний к тому, в свою очередь, указывал: «Статьи Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком предвосхитили политическую тактику революционной [социал]-демократии». Основные выводы этих статей почти до деталей совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты [Товарищем] Лениным в знаменитых «Письмах из далека»» [13, с. 370].

Позиция Троцкого становится ненамного яснее в его речи 7 мая на I-й конференции «Межрайонки». Тогда он заявлял об отказе в поддержке Временному правительству, о необходимости перехода власти в руки Совета. При этом вариант захвата власти помимо Совета исключался — «нужно создавать в Совете свое большинство», наполняя его работу «истинно революционным содержанием» [13, с. 46–48].

При анализе данной речи встает вопрос о том, какими категориями мыслил Троцкий: единой РСДРП, интернационалистскими (объединение всех причастных к интернационализму) или своей группы («межрайонцев»). Не вполне понятно, кто должен добиваться большинства в Совете. «Межрайонный комитет» не имел для этого широкой поддержки в массах. Если подразумевать «революционную демократию», то как в таком случае относиться к позиции умеренных социалистов, вошедших в правительство? М. И. Скобелев и И. Г. Церетели⁷, по словам Троцкого, изменили делу социал-демократии, вступив в соглашение с буржуазией (поскольку же революция буржуазная, пролетариат должен был встать в оппозицию⁸). В дальнейшем, говоря о Советах как о «представительной форме правления всей революционной демократии», Троцкий фактически признает 2-х вышеупомянутых министров причастными к этой демократии — ведь Советы поддерживали их. Из его дальнейшего пояснения: «наполняя его [Совета] работу истинно революционным содержанием», — вытекает вывод о том, что Скобелев и Церетели, хотя и «революционная демократия», не «истинно революционны». Одно заявление логически противоречит другому. Последовавшее затем заявление об организации широких народных масс «вокруг наших лозунгов» также, если мыслить рамками «Межрайонки», выглядит утопичным. Даже если у «межрайонцев» и были самостоятельные, принципиально отличные от большевистских, меньшевистских, лозунги, то вызывает сомнение известность их «в массах»⁹.

Восстановить же полную картину политических взглядов Троцкого нам представляется невозможным — по причине ее незавершенности, окончательной неоформленности. Мы должны учитывать многолетнее стремление Л. Д. Троцкого проводить собственную, «среднюю линию», неоднократные заявления в прошлом о необходимости воссоздания единой РСДРП. Указанные моменты

7 Большевики Скобелев и Церетели — соответственно министры труда и почт и телеграфов I коалиционного Временного правительства (5 мая — 24 июля 1917 г.).

8 В данном случае отметим следующий casus: в речи Троцкого на конференции от 7 мая, приводимой в 3-м томе его сочинений, фразу «Нашу революцию называют буржуазной. Это значит, что у власти должна была стать в лучшем случае буржуазная демократия, а пролетариат должен находиться в оппозиции» сопровождает примечание: «Здесь автор излагает позицию меньшевиков». Указывается, что речь приведена по № 18 газеты «Новая жизнь» (от 9 мая). В газете же формулировка иная: «Нашу революцию, — говорит он, — мы называем буржуазной». Следовательно, Троцкий 7 мая стоял на позиции меньшевиков? Иначе по какой причине смысл фразы произвольно изменен?

9 Напомним, своего ЦО до начала июня «Межрайонный комитет» не имел.

и пресловутая «внефракционность» дают возможность заключить, что и в данном случае этот политик был нацелен не на выработку определенной политической программы и реализацию ее, на почве схождения с программными положениями других партий допуская создание блоков, союзов. Троцкий стремился, как и ранее, обозначить свой, особый, путь, и вследствие этого все действия и заявления подчинял желанию подчеркнуть это, продемонстрировать свою «особость». Делалось это даже в ущерб насущным задачам: агитации за власть Советов, разъяснению интернационализма массам рабочих, солдат и крестьян и т. д.

Вернемся к вопросу взаимодействия Троцкого с другими партиями. Несмотря на умеренный характер заявлений 5 мая, уже 13 мая на своем 2-м выступлении в Петроградском Совете Троцкий в «блестящей язвительной речи» [11, с. 192] резко высказался по поводу отчетов министров-социалистов, огласил необходимость взятия власти Советами. С этого момента наметилась развилка Троцкого и советских вождей того периода. Примечательно, что привычное в социалистических кругах обращение «товарищ» сменяется на нейтральное «гражданин» (по отношению к И. Г. Церетели, М. И. Скобелеву и эсеру В. М. Чернову) [8, с. 72–73]¹⁰.

Следующее столкновение произошло в связи с событиями в Кронштадте (Кронштадтский Совет вступил в конфликт с Временным правительством), когда Троцкий вместе с большевиками демонстративно покинул заседание Совета 26 мая [8, с. 203]. Последний момент — совместный уход с собрания — дал очередной повод для сближения большевиков и «объединенной социал-демократии». Троцкий, возможно, и старался на первых порах держать дистанцию от большевиков, но в глазах умеренных социалистов, не говоря уже о буржуазии, он довольно рано, уже с конца мая (а может быть и раньше), ассоциируется с большевистской партией¹¹. Если не как большевик в смысле партийной принадлежности, то хотя бы близкий к большевистской программе, взгляды которого воспринимаются как идентичные ленинским. Хотя различия и имели место, в условиях массового характера пропаганды, волны революционных речей, лозунгов, воззваний с трибуны и пр. — разглядеть их было проблематично¹².

Основное событие политической жизни России июня 1917 г. — I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На период с 3 по 24 июня Съезд стал не только всероссийской революционной трибуной, но и непосредственным участником многих

революционных событий. За трибуной Съезда не раз объявлялся и Л. Д. Троцкий.

На Съезде тон выступлений Троцкого — сдержанный и умеренный. Наиболее характерна в данном случае речь 5 июня по вопросу об отношении к Временному правительству [7, с. 142–149], дающая, к тому же, возможность более ясно представить себе картину политического мышления Троцкого. Выступая после министра продовольствия, народного социалиста А. В. Пешехонова, Троцкий отметил ее не пропагандистский, но практический характер. Власть, по словам Троцкого, в кризисе. Точнее, наблюдается «двоебезвластие» Совета и Временного правительства. Последнее — «примирительная камера» помещиков и крестьян, капиталистов и рабочих. Все «творческие усилия Пешехоновых» саботируются буржуазией. И потому власть должна быть сформирована из революционных элементов. Аплодисменты зала вызвали слова Троцкого: «Я не принадлежу к одной с ним (Пешехоновым — Р. Г.) партии, но если бы мне сказали, что министерство будет составлено из 12 Пешехоновых, я бы сказал, что это огромный шаг вперед» [7, с. 146]¹³.

Подобные заявления позволили Н. А. Васецкому отметить, что Троцкий выражал поддержку министрам Временного правительства [2, с. 77]. Действительно, этот вывод логично вытекает из вышеизложенного. Однако в той же речи Троцкий заявлял, что только Советы могут решить «наиболее неотложные наши задачи». Из этого можно сделать вывод о двусмысленности выступления Троцкого. Рефреном в его речи звучало: «товарищи». Слова о том, что оратор исходит не из «какой-нибудь фракционной, партийной точки зрения, а из более широкого взгляда» и «мы, как и вы, болеем теми же болячками», позволяют определенно сделать заключение не только о примиренческом настрое Троцкого, но и забвении классового подхода. Это нежелание Л. Д. Троцкого окончательно отказать от идей сотрудничества с «оборонцами», непоследовательный интернационализм, что в сентябре 1917 г. выльется в курс на образование единого социалистического правительства.

Примечательна характеристика Л. Д. Троцкого, данная так называемым «левым агитатором». Мы, заявил Троцкий, подготовляем «для вас... завтрашний день революции», «мобилизуем наиболее революционное левое крыло». Вполне очевидно, что Троцкий имел в виду большевиков и интернационалистов вообще и сам относил себя к их представителям. Из этого можно заключить, что Троцкий по-прежнему предполагал возможность совместных действий с умеренными социалистами. Возможное объяснение, помимо непоследовательности, — длительное время занимаемая независимая позиция в РСДРП, стремление воссоздать единую партию. В пользу данного утверждения

10 Н. Н. Суханов отмечал, что «За Троцким в Совете тогда шло всего несколько десятков человек» [11, с. 192].

11 Церетели 26 мая прямо отождествлял Троцкого и большевиков: «почему же сам Троцкий, принадлежащий к той фракции, влияние которой в Кронштадте является господствующим, сам не поехал в Кронштадт, не разъяснил, что большевики против частичного захвата власти отдельными группами» [8, с. 213].

12 Эти разногласия проявятся позже — сначала в сентябре, по вопросу «социалистического министерства», а затем, со всей отчетливостью, в Брест-Литовске — во время мирных переговоров с Германией.

13 Л. Д. Троцкий позднее так оценивал этот эпизод: «Мое чисто полемическое «предложение» первому Съезду Советов составить правительство из двенадцати Пешехоновых... конечно, чистейший курьез» [13, с. LXVI].

говорит также его «внефракционная точка зрения». В заключение уместно привести оценку того же Н. Н. Суханова: Троцкий «сам выступил на съезде в виде некоей примирительной камеры» [11, с. 263].

Отмеченная сдержанность наглядно проступает и в речи 9 июня — по вопросу о Государственной думе¹⁴. Поднимая вопрос, есть ли в России сейчас государственная власть, т. е. «народный суверенитет, основанный на принципе демократии», Троцкий констатирует существование 3-х категорий власти: Государственной думы, Временного правительства и Советов. И далее заявляет, что «не историческими формулами, а декретами выражается революционная власть», и если у Временного правительства есть власть, то оно скажет: «Я есмь власть и нет другой надомной» [7, с. 295–296].

Содержание речи 9 июня подтверждает не только примиренческие настроения Троцкого. Если судить о политических взглядах этого политика на основании приведенного выступления, то невозможно заключить, что он отстаивает идею перехода власти к Советам. Скорее можно сделать вывод о надежде на сосредоточение Временным правительством власти в своих руках. Теперь целесообразно обратиться к заявлениям В. И. Ленина на I Всероссийском съезде, чтобы, сопоставляя, лучше понять позицию Троцкого. Это тем более оправданно, что позднее сам Троцкий неоднократно подчеркивал свое непротиворечие Ленину, согласованность всех действий с лидером большевиков в 1917 г.¹⁵

В речи 4 июня об отношении к Временному правительству Ленин ставит вопрос о содержании понятия «революционная демократия» и положении Советов. Нынешняя демократия, по словам Ленина, не «революционная», а «реформистская», наподобие демократии при «капиталистическом министерстве» в странах Западной Европы. «Революционная» демократия — должна двигать революцию вперед, а не вступать в соглашения с буржуазией. Далее ясно определяется политическая перспектива настоящего положения. Либо буржуазное правительство с «планами» реформ, которые останутся «на бумаге», и в таком случае Советы «умрут бесславной смертью» или будут «разогнаны». Либо — власть Советов и движение революции вперед. Затем Лениным дается разъяснение программы большевиков по вопросу о войне, об отношении к экономическому кризису, о возможности «мирного развития» революции в настоящих условиях — при условии взятия власти Советами. Неоднократно подчеркивается необходимость применения «классового подхода», «классовой характеристики» [4, с. 263–276; 7, с. 67–76].

14 После Февральской революции Государственная дума, хотя и не собиралась в полном составе, официально упразднена не была, а на регулярные заседания собирался ее Временный комитет.

15 «С первого дня приезда в Петроград работа моя шла совершенно согласованно с Центральным Комитетом большевиков» [13, с. LXV]; «Ход развития, заменив алгебру арифметикой, обнаружил тождество наших взглядов», «И в то же время Ленин уверенно вел ее (партию — Р. Г.) к величайшим задачам. Я впрягся в работу и помогал ему» [12, с. 326].

Как видим, позиция Ленина органично вытекает из его речи, содержание которой не может трактоваться двусмысленно. Это изложение взгляда, сформулированного еще в «Письмах из далека» [3, с. 11–56] и развитого в «Апрельских тезисах» [3, с. 113–118]. Слова Ленина заметно разнятся с тем, о чем говорил Троцкий днем позже — 5 июня. Необходимо сделать акцент на контрасте ленинских заявлений о «классовом подходе» и «внефракционной точке зрения» Троцкого.

Второе выступление Ленина на Съезде 9 июня было посвящено вопросу о войне [4, с. 277–291; 7, с. 315–325]. Поскольку оно согласуется с программой большевиков, подробно на нем можно не останавливаться, а сосредоточиться на анализе речи Троцкого по тому же вопросу, также 9 июня [7, с. 352–357]. На этот раз взгляды Троцкого вырисовываются более определенно. Его видение ситуации сводится к необходимости взятия власти Советами — тем самым будет создана армия, «отвечающая за правительство, и правительство, отвечающее за армию», и явным будет разрыв с империализмом. Конечная цель — социальная революция в Европе. Без нее, без помощи европейского пролетариата Русская революция обречена на поражение. Но подводит Троцкий к этой «программе» аккуратно и «плавно»: через утверждение о неспособности Временного правительства и нынешних Советов пересмотреть целей войны и отсутствии в связи с этим в армии сплывающей идеи. На вопрос из зала «что делать?» Троцкий отвечает, что дать ответ сначала должны социалистические министры: «прежде чем вы имеете право нам поставить этот вопрос, вы должны дать нам ответ относительно вашей политики» [7, с. 355]. Но вывод Троцкого о взятии власти Советами и революции в Европе нельзя признать четким, продуманным ответом на тот же вопрос. По сути, краеугольным камнем построений Троцкого является психологический фактор взятия власти рабочими и крестьянами в России, что всколыхнет народы Европы¹⁶. Рассмотрение речи Троцкого 9 июня свидетельствует, как указывалось и ранее, об отсутствии у него сформулированной и разработанной программы. Данная речь созвучна статьям Троцкого февраля-марта 1917 г. — та же непродуманность, та же «зыбкость» построений, тот же агитационный характер.

Однако, несмотря на умеренный характер произносимых речей, по ряду вопросов Л. Д. Троцкий блокировался с большевиками. Следует указать на совместные избирательные списки на выборах в районные думы Петрограда в конце мая — начале июня «межрайонцев», большевиков и меньшевиков-интернационалистов. Затем, Троцкий все чаще вовлекается в сотрудничество с большевиками:

16 «мы... кликнем клич ко всем европейским народам с призывом, что есть сейчас на карте Европы цитадель революции... которая поддержит всякую попытку революционного народа, которая в той или иной форме поднимается против своего правительства и для ликвидации настоящей войны» [7, с. 356].

пишет резолюции¹⁷, солидаризируется по вопросу демонстраций 10 и 18 июня, выступает в защиту имени Ленина (и своего — в ответ на речь П. Н. Милюкова о «немецких шпионах»)[7, с. 158; 13, с. 122].

В конце июня — начале июля Троцкий и вовсе форсирует слияние «межрайонцев» и большевиков. В это время в печати выходят его статья «От слов к делу (К вопросу об объединении интернационалистов)» (28 июня) и заметка «Нужно немедленно объединиться на деле (Ответ на запрос)» (2 июля), опубликованная, к тому же, в «Правде» [13, с. 145–149]. В статье Троцкий, обращаясь к результатам майской конференции «межрайонцев», констатирует, что вопрос об объединении с тех пор «не двинулся с места». Раздельное существование, между тем, неоправданно, поскольку принципиальных разногласий, в том числе в вопросе о завоевании власти — у «Межрайонного комитета» и РСДРП(б) нет. И хотя большевикам свойственна «кружковщина», преодоление ее возможно только в рамках общей организации — «межрайонцы» противопоставят этому «более здоровые, т. е. более демократические, методы партийной работы». Слияние же необходимо осуществить немедленно, не дожидаясь партийного съезда. В заметке, в свою очередь, сформулирована платформа объединения из 5 пунктов, повторяющая соображения, изложенные в статье.

Чем вызвана подобная перемена: от майской холодно-выжидательной позиции по отношению к большевикам до энергичной агитации в пользу слияния в конце июня? Объяснений данному феномену можно отыскать несколько. Начнем с того, что «Межрайонный комитет» как самостоятельная политическая сила никакого значения не представлял. Об этом свидетельствует как программа группы, основные положения которой были идентичны большевистским и рабочими воспринимались также, так и организационные возможности: наладить выпуск собственной газеты не удалось. С начала июня ЦО являлся еженедельный журнал «Вперед». Но составить конкуренцию в борьбе «за умы» ежедневно выходящим «Правде», «Рабочей газете», «Делу народа», органам соответственно большевиков, меньшевиков и эсеров, журнал, очевидно, не мог. Следовательно, дальнейшее автономное существование обещало «Межрайонку» на поражение, или же необходимо было искать пути объединения с близкими по взглядам группами и партиями (что, кстати, и было заложено в программе — объединение на базе интернационализма).

Что касается самого Л. Д. Троцкого, то тот должен был понимать положение своей группы. Предпринимаемые им попытки наладить контакты с другими представителями социал-демократии, помимо большевиков, ни к чему не привели. Несмотря на подчас благосклонную реакцию

I Всероссийского съезда на выступления Троцкого¹⁸, социалисты умеренного крыла продолжали отождествлять его позицию с большевистской, а имя — ставить рядом с именем Ленина¹⁹, как «повелось» со времени кронштадтских событий. И потому естественным и логичным являлось его сближение с большевиками. Решающим аргументом в пользу окончательного поворота к РСДРП(б) стала, как можно предположить, антивоенная демонстрация 18 июня — когда Троцкий мог воочию лицезреть масштаб большевистского влияния «в массах».

Из этого не следует, однако, что действия Троцкого второй половины июня-начала июля сводятся только к приспособленчеству. Скорее, можно говорить о соединении 2-х факторов: объективного (растущее размежевание с умеренными социалистами и сдвиг Троцкого «влево») и субъективного (сознательное сближение с большевиками). Тем не менее, в таком понимании действий Троцкого виден достаточно тонкий политический расчет.

В «июльские дни», выступление вооруженных рабочих в Петрограде 3–5 июля 1917 г., наблюдалась полная согласованность действий Л. Д. Троцкого, как и членов «Межрайонного комитета» в целом, с большевистской партией. Начать следует с того, что тактика большевиков на сдерживание рабочих и солдатских масс осуществлялась как самими большевиками, так и Троцким. Вечером 2 июля, на импровизированном митинге-концерте большевистски настроенной части 1-го пулеметного полка²⁰, проводимого для того, чтобы «выпустить пар»: дать выйти накопившемуся недовольству политикой Временного правительства и эсеро-меньшевистских Советов, — выступал и Троцкий [13, с. 167; 6, с. 323].

3 июля, когда выступление стало свершившимся фактом²¹, Л. Д. Троцкий и Г. Е. Зиновьев высказались за прекращение демонстрации. Но в тот же день, около 10 часов ночи, на совещании ЦК и Петербургского комитета (далее — ПК) РСДРП(б), делегатов II общегородской конференции большевиков, представителей заводов и полков было принято решение возглавить демонстрацию с целью придания ей мирных, организованных форм [6, с. 337–338]. Руководствуясь этим, на экстренном заседании рабочей секции Петроградского совета Л. Б. Каменев выступил с ре-

17 Троцкому принадлежит авторство заявлений, зачитанных фракцией большевиков 4 июня (по вопросу о наступлении на фронте) и 12 июня (по вопросу о демонстрации 10 июня — об ее отмене) на заседаниях I Всероссийского съезда Советов [13, с. 132–137].

18 Выступления Л. Д. Троцкого 5 и 9 июня неоднократно прерывались, как отражено в стенографических отчетах Съезда, аплодисментами зала, а увенчивались «Шумными аплодисментами» и возгласами: «Браво». Затем, к речи по вопросу об отношении к Временному правительству 5 июня и в особенности к словам о «12 Пешехоновых» не раз апеллировали ораторы в течение последующих заседаний. Так, меньшевик Никольский 6 июня заявлял, что «если бы тов [ариш] Троцкий выступал так всегда, то тов [ариш] Троцкий делал бы то дело, которое делаем мы» [7, с. 173].

19 В частности, М. И. Либер не раз опровергал положение, «что т. т. Ленин и Троцкий говорили нам о социальной революции» [7, с. 280].

20 Днем позже, 3 июля, именно 1-й пулеметный полк выступил сам и призвал к выступлению другие воинские части и заводы [6, с. 327–328].

21 По воспоминаниям Л. Д. Троцкого, о выступлении тот узнал, находясь в Таврическом дворце. «Это известие явилось для меня неожиданностью. Демонстрация возникла самопроизвольно, по безымянной инициативе снизу» [12, с. 307].

зольцией поддержать требование демонстрантов о взятии власти Советами, «придать движению мирный и организованный характер» и создать комиссию для выполнения этих задач. В пользу резолюции высказался и Троцкий, и в конечном итоге та была принята [6, с. 338]. Решение совещания было также подтверждено на заседании большевиков и «межрайонцев» в ночь с 3 на 4 июля²². Прибывший в Петроград утром 4 июля В. И. Ленин поддержал принятое решение [6, с. 348].

4 июля, помимо руководящей роли большевиков и прибытия в Петроград кронштадтцев, было отмечено также инцидентом с В. М. Черновым. В действиях Троцкого проявилась не только согласованность с большевиками, но и решительность в напряженный момент. Когда возбужденные матросы возле Таврического дворца схватили министра земледелия и «усадили» в автомобиль, Троцкий, по воспоминаниям Ф. Ф. Раскольникова, «прыгнул на передний кузов, покрывающий моторный двигатель автомобиля, и взмахом руки подал сигнал к молчанию», после чего «металлическим голосом» убедил кронштадтцев освободить Чернова [10, с. 176–177]²³, фактически спас того от возможной расправы.

Последовавшие затем реакция контрреволюционных сил во главе с Временным правительством и при попустительстве лидеров ЦИК, травля большевиков, в особенности Ленина, Зиновьева и Каменева, побудили первых двух перейти на нелегальное положение, а Троцкого — демонстративно выразить им солидарность. В открытом письме Временному правительству от 10 июля Л. Д. Троцкий сообщал, что разделяет принципиальную позицию Ленина, Зиновьева и Каменева, действовал в согласии с большевиками как в июльские дни, так и ранее (на страницах журнала «Вперед» и в публичных выступлениях). Он также заявил об отсутствии оснований в пользу изъятия его «из-под декрета, силою которого подлежат аресту т. т. Ленин, Зиновьев и Каменев»²⁴. В завершение, «что касается политической стороны дела», в письме значилось указание на непримиримость автора в отношении общей политики Временного правительства, как и «названных товарищей»²⁵.

В последующих выступлениях Л. Д. Троцкого в течение июля — ни малейшего намека на «примиренческие» настроения, характерные для него на I Всероссийском съезде Советов. Троцкий отчетливо противопоставляет себя

и большевиков умеренным социалистам, 17 июля заявляя: «меньшевики и с [оциалисты] р [революционеры], наши глубокие, но идейные противники» [13, с. 169]. Не раз он также выступал в защиту имени В. И. Ленина²⁶. Думается, Троцкий был откровенен, много позже сообщая в «Моей жизни»: «Июльские дни нас (Троцкого и Ленина — Р. Г.) сразу сблизили» [12, с. 332].

Однако наряду с революционной солидарностью в поступках Троцкого можно выявить и иные мотивы. Н. А. Васецкий полагал, что Троцкий не столько стремился защитить Ленина, сколько «лишний раз напомнить и о своем революционном прошлом, равно как и о еще более революционном настоящем» [2, с. 79]. В данном замечании есть рациональное зерно. Возможная трактовка действий Троцкого — стремление упрочить свое положение в стане большевиков, поскольку объединение «Межрайонного комитета» и РСДРП(б) с начала июля было неизбежным (фактическое единство установилось в июльские дни, организационное слияние — на VI съезде большевиков). Если держать в памяти неоднократные выступления Троцкого против Ленина до 1917 г., то определенная доля недоверия к нему среди членов РСДРП(б), несомненно, существовала. Подтверждением данной мысли служат сообщения А. И. Балабановой о том, что «и большевики, и меньшевики относились к нему с затаенной враждой и недоверием», «большевики проявляли по отношению к Троцкому столько же ненависти, сколько и он питал к ним» [1, с. 165–166]. Отражающие положение мая-начала июня, свидетельства Балабановой позволяют отнести и к июлю. И в данном ключе мероприятия²⁷ Троцкого можно рассматривать как вполне успешный ход: на VI съезде тот заочно был избран в члены ЦК РСДРП(б)²⁸, а по выходе из «Крестов» — вошел в редакцию ЦО большевистской партии (на тот момент — газета «Рабочий путь») ²⁹, что свидетельствовало об укреплении его положения в партии. Активное заявление собственной позиции, противопоставление себя Временному правительству (что отражено в открытом письме) могло также позволить Троцкому «набрать очки» популярности среди

22 В совместном совещании, состоявшемся в Таврическом дворце, приняли участие члены ЦК и ПК РСДРП(б), Военной организации большевиков, комиссии рабочей секции Петроградского совета и «Межрайонного комитета». Предложение Л. Б. Каменева во что бы то ни стало избежать общегородской демонстрации и ограничиться проведением митингов, равно как и предложение Л. Д. Троцкого о проведении безоружной демонстрации были отклонены [6, с. 342–343].

23 В целом этому рассказу не противоречит и передача Н. Н. Суханова, за вычетом некоторых деталей [11, с. 333–334].

24 Приказ об аресте В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева был издан 7 июля.

25 Письмо было опубликовано в газете «Новая жизнь» 13 июля (№ 73) [13, с. 166–167].

26 «Ленин боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не можем питать ненависти к германскому милитаризму»; «тот, кто говорит, что тов [ариш] Ленин может быть немецким агентом, тот — негодяй»; «Честное имя тов [ариша] Ленина нам так же дорого, как и имя Чернова» (в ситуации, когда в буржуазной прессе развернулась кампания травли В. М. Чернова) [13, с. 169, 171].

27 23 июля произошел также арест Л. Д. Троцкого. Вызавшись защищать на суде Ф. Ф. Раскольникова, Троцкий позвонил в министерство юстиции и сообщил место своего пребывания (на тот момент приказ об аресте уже был издан, о чем тот не знал). «Едва ли не в ту же ночь по этому адресу явилась милиция, и он был арестован» [10, с. 214].

28 За Л. Д. Троцкого был отдан 131 голос из 134 (столько же — у Л. Б. Каменева). В. И. Ленин получил 133 голоса, Г. Е. Зиновьев — 132.

29 Следует, однако, указать на то, что вопрос со вхождением Троцкого в редакцию первоначально не был так однозначен. Так, на заседании пленума ЦК 4 августа мнения о том, войдет ли Троцкий в состав редакции в случае освобождения, разделились: 11 «против», 10 «за».

противников правительства³⁰, а арест создавал к тому же ореол мученика, «борца за правду»³¹.

Таким образом, прибыв в Петроград, когда политическая картина была уже определена, направления революционной борьбы очерчены, Троцкий, не связанный ни с одной из партий, примыкает к группе «межрайонцев». Возможности приютившей его организации были ограничены, и потому Троцкий ищет способы найти союзников и вести печатную агитацию, а также обозначить свою позицию. Ни союзников, помимо «межрайонцев», ни печати первоначально обрести не удалось.

Пытавшихся привлечь того на свою сторону большевиков Троцкий, несмотря на наличие ряда программных совпадений, в мае сторонится, стремится сохранить status quo. Тем не менее в глазах умеренных социалистов (не говоря о буржуазии — кадетах) он все чаще начинает ассоциироваться именно с большевистской партией. В поведении Л. Д. Троцкого в июне, однако, обозначился достаточно определенный, резкий поворот в сторону большевиков. Несмотря на примиренческие речи, что вызывало одобрение у большинства делегатов Съезда, меньшевиков и эсеров, Троцкий

все чаще сотрудничает с большевиками, а в конце июня-начале июля и вовсе форсирует слияние «Межрайонки» и РСДРП(б). В июльские дни Троцкий во всем поступал согласно с большевиками, а разгар травли В. И. Ленина и других большевистских лидеров активно заявлял о своей с ними солидарности, открыто противопоставлял себя Временному правительству и умеренным социалистам как «глубоким, но идейным противникам».

Политическая позиция Троцкого в рассмотренный период — не сформулирована в полной мере. На страницах американской печати он выступал как интернационалист, противник Временного правительства и сторонник власти Советов. Выступления Троцкого на I Всероссийском съезде, однако, равно как и речи в Петроградском Совете ранее, были полны демагогических заявлений и примиренческого настроя. Они не выявляли определенно политической позиции оратора — Троцкий за трибуной Съезда не предстает в качестве последовательного, «твердого» интернационалиста, занимающего классовую позицию пролетариата.

Сближение с партией большевиков, отчетливо обозначившееся в июне, вытекало из 2-х факторов. С одной стороны, это дрейф «влево» самого Л. Д. Троцкого. Но с другой стороны, это был и политический расчет, красноречивое свидетельство чему — заявления о неотложной потребности объединиться в конце июня-начале июля. Субъективный момент можно усмотреть и в яростной защите Троцким имени Ленина в июле. Помимо искренней солидарности, чувства революционного долга, в действиях Троцкого — в очередной раз расчет на завоевание авторитета: среди большевиков и всех оппозиционно настроенных к правительству.

30 Н. Н. Суханов, ссылаясь на А. В. Луначарского, сообщает о намерении большевиков в ходе июльского восстания поставить во главе «советского» министерства» триумвират в лице Ленина, Троцкого и самого Луначарского [11, с. 366]; Н. А. Васецкий усматривает в стойкости этого слуха в Петрограде закономерную связь с выступлениями Троцкого в защиту Ленина [2, с. 79].

31 Впрочем, этот аспект сыграл «на руку» и партии большевиков в целом — поддержка их со стороны рабочих и солдат Петрограда не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла. Красноречивое свидетельство — выборы в Петроградскую городскую думу 20 августа, где большевики получили 33% голосов (в конце мая-начале июня, на выборах в районные думы — 20%) [2, с. 81].

Литература:

1. Балабанова А. [И.] Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897—1938 / пер. с англ. Л. А. Карповой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 335 с.
2. Васецкий Н. А. Троцкий: опыт политической биографии. — М.: Республика, 1992. — 351 с.
3. Ленин В. И.: 1) Письма из далека; 2) О задачах пролетариата в данной революции; 3) Резолюция об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока // Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 11—56, 113—118, 429.
4. Ленин В. И.: 1) Речь об отношении к Временному правительству 4 (17) июня; 2) Речь о войне 9 (22) июня // Полн. собр. соч. — Т. 32. — С. 263—276, 277—291.
5. Ленинский сборник. IV / под ред. Л. Б. Каменева. — 2-е изд. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. — 462 с.
6. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. / А. Л. Фрайман (отв. ред.). — Кн. 1. На путях к социалистической революции. Двоевластие. — Л.: Наука, 1967. — 454 с.
7. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: в 2 т. / под ред. М. Ф. Владимирского, А. С. Енукидзе и др. — Т. 1. — М. — Л.: Гос. изд-во, 1930. — 484 с.
8. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля — 25 октября 1917 года): в 4 т. — Т. 3 (6 мая — 2 июля 1917 года). — М.: РОССПЭН, 2002. — 400 с.
9. Попов А. (Воробьев Н.) Страничка воспоминаний о работе в «Междурайонке» // Пролетарская революция. — 1923. — № 10. — С. 95—111.
10. Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году // Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. Воспоминания. Письма. Документы / сост. И. П. Коссаковский. — Л.: Лениздат, 1989. — (Голоса революции). — С. 62—327.

11. Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. — Т. 2: кн. 3–4. — М.: Политиздат, 1991. — 399 с.
12. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. — М.: Вагриус, 2001. — 572 с.
13. Троцкий Л. Д. Сочинения. — Т. III: 1917. Ч. I: От Февраля до Октября. — М.: Гос. изд-во, 1925. — 466 с.
14. Юрнев И. «Межрайонка» // Пролетарская революция. — 1924. — № 1. — С. 109–139.
15. Юрнев И. «Межрайонка» // Пролетарская революция. — 1924. — № 2. — С. 114–143.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Становление русской национальной оперы: исторический аспект

Бабенко Оксана Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва)

Вопрос о становлении русской национальной оперы имеет важное значение для понимания развития данного музыкального жанра. Достижения русского оперного искусства коренятся в начальном этапе его развития. В это время появляются первые русские оперы, а правители России создают юридическую базу деятельности театра. Однако не все исследователи уделяют достаточное внимание данной проблематике, особенно историческому фону становления русской оперы. Между тем оперное искусство завоевало достойное место в культуре России еще в XVIII веке. Этому способствовало усиление интереса к музыке со стороны представителей разных слоев населения. Как пишет академик Б. А. Асафьев, «в последние десятилетия XVIII века в Петербурге ощущается в достаточной мере налаженная, хотя и пестрая, музыкально-концертная жизнь и музицирование в домашнем быту не у одних только верхушек общества» [1, с. 7].

Рассматриваемая нами проблематика получила некоторое распространение в дореволюционной, советской и современной российской историографии. Среди основополагающих трудов следует назвать монографии В. Чехихина [21], А. Гозенпуда [3; 4; 5] и др. Однако в ней до сих пор остается немало «белых пятен». Так, например, недостаточно хорошо изучены личности первых оперных композиторов В. А. Пашкевича и Е. И. Фомина. В то же время их причисляют к создателям русской национальной оперы, как бы подчеркивая большое значение их деятельности. А творчество замечательного русского композитора А. С. Даргомыжского не нашло обстоятельного исследователя. Кроме того, в литературе не всегда уделяется внимание важным для нас трудам критика В. В. Стасова, в частности, работе «Двадцать пять лет русского искусства» (1883). До сих пор не в полной мере изучены причины распада «Могучей кучки» и роль в этом М. А. Балакирева. Исследователи не обращают внимание и на то, что «кучкисты» жертвовали своими первыми профессиями ради музыки.

В 2000-е гг. были защищены диссертации по истории русской оперы. Так, например, в 2000 г. в Магнитогорске состоялась защита диссертации И. Ю. Неясовой «Русская историческая опера XIX века: К проблеме типологии жанра» [14], а в 2012 г. в Ростове-на-Дону О. В. Комарницкая

защитила диссертацию «Русская опера XIX — начала XXI веков. Проблемы жанра, драматургии, композиции» [12]. Однако и в них история оперы не получила всестороннего освещения. В нашей же небольшой публикации невозможно полностью охватить становление русской оперы. Поэтому мы сделаем упор на отношение к опере российских правителей и их законодательную деятельность в области театра, проявление демократических идей в операх ведущих композиторов.

Взаимоотношения в системе «царь-театр» всегда имели важное значение. В Российском государстве все исходило от царя, и театр находился в зависимости от монарха. Применительно к дореформенной России фигуру царя как покровителя российского театра можно приравнять к фигуре помещика-крепостника, безраздельно владевшего своим крепостным театром.

В данном исследовании нас интересует оперное искусство. Что обозначает термин «опера»? Опера — это «высший синтетический жанр музыкального искусства, сочетающий в целостном художественном единстве вокальную (сольную, ансамблевую, хоровую), инструментальную (оркестровую) музыку и сценическое действие» [11, с. 107]. Зачатки русской оперы можно видеть в народных обрядах и церковных действиях древней и средневековой Руси, которым был присущ музыкально-драматический элемент. Этой же особенностью обладали народно-церковные действия и «вертепы» XVI—XVII вв., рождественские действия митрополита Дмитрия Ростовского и т. п. Музыкально-сценические элементы вышеуказанных обрядов и представлений «найдут свое место в работах будущих русских оперных композиторов» [9].

Первой оперой в России считается комедия «Как Алаферну (Олоферну) — царю царица голову отсекла» с ариями и хорами на русском языке и музыкальным сопровождением. Спектакль был поставлен для государя Алексея Михайловича в ноябре 1674 г. немцем Иоганном Готфридом Грегори. Опера шла в селе Преображенское в «комедийной хоромине» — первом театре в России. Театр этот был построен в 1672 г. по торжественному случаю — «царь Алексей Михайлович решил в честь рождения своего сына Петра устроить забаву» [13]. Забава эта прекратилась в 1676 г. в связи со смертью Алексея Михайловича.

Однако несмотря на то, что существование данного театра было случайным, а не вызванным к жизни реальными потребностями времени, он «оставил большой след в русской жизни и имеет продолжение по сей день» [13].

Широкая публика России познакомилась с жанром оперы в 1730-е годы, то есть в правление Анны Иоанновны. В то время в Петербург была приглашена итальянская труппа, и при дворе начали ставиться итальянские оперы. Первое оперное представление состоялось 29 января 1736 г. В тот день была представлена опера «Сила любви и ненависти» на музыку итальянца Ф. Арайи с русским либретто В. К. Тредиаковского. В литературе этот факт оценивается как безусловно положительный. «Несомненно, деятельность итальянских музыкантов — певцов, композиторов — на сцене придворного театра способствовала развитию музыкальной культуры в России», — пишет А. Д. Сконечная [15, с. 14]. Позднее при дворе появилась и французская труппа. Но далеко не всё в отечественной культуре того времени было слепым подражанием иностранным образцам. Более того, русская творческая интеллигенция ругала итальянцев, полагая, что их засилье на русской сцене затормаживает развитие отечественной оперы. Тем не менее «приходилось учиться говорить на чужом музыкальном языке, чтобы создать свой» [1, с. 7].

Автором первого русского оперного либретто, на которое специально была написана музыка (опера «Цефал и Прокрис» итальянского композитора Ф. Арайи), был драматург А. П. Сумароков. Опера прошла в 1755 г. в исполнении русских артистов. Первая собственно русская опера «Танюша, или Счастливая встреча» на текст И. А. Дмитриевского была исполнена 27 ноября 1756 г. (автор музыки — основатель русского театра Ф. Г. Волков). А первой русской комической оперой считается «Анюта» М. И. Попова (1772, музыка оперы, как и многих других ранних отечественных опер, не сохранилась).

Одна из итальянских опер была поставлена по случаю коронации Елизаветы Петровны в 1742 г., что говорит о возросшем в то время значении оперного искусства. Речь идет об опере «Титово милосердие» композитора итальянской школы И. А. Гассе. Интересно, что специально для этой постановки был построен оперный театр на Яузе, вмещавший пять тысяч зрителей. В целом в XVIII веке по требованию правителей оперы носили торжественный, официальный характер.

В 1756 г. театр стал учреждением государственным, профессиональным и публичным. 30 августа 1756 г. Елизавета Петровна издала «высочайший указ» об учреждении «Русского для представления трагедий и комедий публичного театра» в Петербурге. В Москве профессиональный театр открылся через три года, в 1759 г. Итальянский антрепренер Д. Б. Локателли получил разрешение на постановку оперных спектаклей и выстроил для этой цели здание театра с тремя ярусами за Земляным городом, у Красного пруда. В новом здании выступления итальянских актеров чередовались со спектаклями студенческой труппы Московского

университета. Как пишет А. Д. Сконечная, «университетская труппа достигла немалых успехов в постановке музыкальных спектаклей...» [15, с. 12]. В 1759 г. Д. Б. Локателли предпринял попытку организовать публичные оперные театры в Москве и Петербурге. В них шли комические оперы, понятные широкой публике.

Русская опера становится ведущим музыкальным жанром в последней трети XVIII века. Выдающимися композиторами того времени были Е. И. Фомин (1761–1800) и В. А. Пашкевич (1742–1797). Популярностью пользовались оперы «Мельник — колдун, обманщик и сват» (музыка М. М. Соколовского, последующая обработка Е. И. Фомина, 1779), «Несчастье от кареты» (музыка В. А. Пашкевича, 1779), «Скупой» (музыка В. А. Пашкевича, 1782), «Санктпетербургский гостинный двор, или Как поживешь, так и прослывешь» (музыка В. А. Пашкевича, 1792), «Орфей» (музыка Е. И. Фомина, 1792) и др. В целом для этих произведений характерны демократизм, обращение к народным мелодиям. Остро социальная, антикрепостническая проблематика прослеживается в опере «Несчастье от кареты». В ней звучали песенные куплеты, изобличавшие господ, которым ничего не стоило обменять крепостного на карету.

Огромная роль в реформировании русского театра принадлежит Екатерине Великой. В 1766 г. Екатерина II издала «Стат всем принадлежащим к театру людям». Она объединила придворные театры в единое ведомство (дирекцию), получившее название Императорских театров, и назначила его главой И. П. Елагина. 1783 год стал переломным в оформлении юридической базы функционирования русского театра. Именно при Екатерине II, писавшей пьесы для театра, в России прошли реформы театрального дела. Появился коллегиальный орган — Комитет для управления зрелищами и музыкой. Если до этого театральное дело ориентировалось в основном на царский двор и придворную публику, то теперь оно становилось частью общественной жизни. Придворные театры должны были играть платные спектакли для широкой публики. Они стали называться «городскими театрами». К тому же Екатерина II уравнила русскую оперу с драматическими спектаклями. При ней любое театральное представление именовалось «зрелищем». Государственные расходы на «зрелища» составляли около 140 000 рублей в год, из них 10 500 приходилось на русский театр. Важной мерой была отмена казенной театральной монополии в области зрелищ и увеселений. Достижения императрицы в театральном деле были настолько велики, что Ф. И. Шаляпин невольно сделал ошибку в своих воспоминаниях, написав, что «русское актерство получило свое начало при Екатерине Великой» [22, с. 123]. Интересно, что именно при Екатерине Великой появился самый обстоятельный труд о русском оперном театре XVIII в. — «Известия о музыке в России» (1770, автор — деятель Российской академии наук Якоб Штелин). В то же время Шаляпин отмечал, что отношение Екатерины II к театру «было приблизительно такое же, какое было,

вероятно, у помещика к своему деревенскому театру, построенному для забавы с участием в нем крепостных людей» [22, с. 160].

Ради чего Екатерина Великая занималась реформированием театра? Ради создания системы управления театрами? Из искреннего интереса к театру? Вероятно, сыграла роль совокупность факторов: и важность создания четкой системы управления государственными театрами, и европейская мода на театр, и неподдельный интерес императрицы к театральному искусству. Именно в эпоху Екатерины II началось становление русской национальной оперы.

Московские оперные спектакли, наряду с драмой и балетом, шли в Петровском театре, открытом на углу улицы Петровки в 1780 г. «прологом «Странники», сочиненным А. О. Аблесимовым» [15, с. 13]. Существовали также крепостные театры в дворянских усадьбах. Однако помещики нередко передавали свои усадебные труппы театрам. Так, в 1806 г. большую часть труппы Петровского театра «составляли крепостные актеры А. Е. Столыпина, выкупленные казной» [15, с. 18]. В 1779 г. в Петербурге был открыт театр К. Книппера, труппа которого была музыкально-драматической, а опера занимала значительное место в репертуаре. Петровский театр и театр К. Книппера создавались как частные театры, но вскоре обрели статус государственных.

В короткое правление сына Екатерины II Павла I театр не дождался бурного развития и реформирования. Тем не менее на сцене ставились новые оперы. Либреттистами были не только писатели и поэты. Так, в 1800 г. в Москве была впервые показана опера Ф. К. Блиммы «Старинные святки» на либретто историка А. Ф. Малиновского. Действие оперы происходит в XVII в. В ней идеализируется русская старина. В представлении было множество русских песен, плясок, игр, старинных обрядов. В образе главной героини Настасьи автору «удалось едва ли не впервые на русской оперной сцене показать черты национального женского характера» [15, с. 41].

Внук Екатерины II Александр I был поглощен военными делами и дипломатией в связи с Наполеоновскими войнами и Отечественной войной 1812 г., поэтому серьезного интереса к театру не проявлял. В начале XIX в. большую роль в развитии русского оперного театра сыграл итальянец Катерино Кавос. Он «стремился быть русским европейцем и проделал колоссальную работу над приспособлением русского музыкального материала (почти всецело песенного) к общеупотребительным в то время европейским приемам и формам музыкального выражения» [1, с. 8]. Кавос создавал богатырскую и волшебнo-сказочную оперу. Вместе со своим соотечественником Антонолини он написал оперы «Добрыня Никитич» (1818) и «Жар-птица» (1823).

В первой половине XIX в. авторы опер все чаще стали обращаться к героико-патриотическим, национальным сюжетам, что было следствием Отечественной войны 1812 г. Появляется историческая опера с массовыми сценами. К. А. Кавос пишет «Ивана Сусанина» (1815)

во французском стиле. Романтизм в музыке был представлен творчеством А. Н. Верстовского. Его наиболее известная опера — «Аскольдова могила» (1835). «С песнями и хорами русского характера и сентиментальными романсами, с яркой фигурой молодца Торопки, при несложном, но волнующем зрителя сюжете и при доступных куплетно-водевильных формах музыки, опера эта прожила очень долго», — заметил академик Асафьев [1, с. 10].

Вершиной оперного искусства того времени было творчество М. И. Глинки (1804—1857) — автора опер «Руслан и Людмила» и «Жизнь за царя». Именно Глинка считается родоначальником основных жанров отечественной профессиональной музыки, в том числе оперы. Историческая и поистине национальная опера Глинки «Иван Сусанин» была встречена холодно великосветской публикой, которую не удовлетворял «мужицкий сюжет» и «кучерская музыка» произведения. В сюжете, по сути, был запечатлен образ героя-крестьянина, созданный декабристом К. Рылеевым в его «Думе». А реакционный режим Николая I стремился любыми путями искоренить свободомыслие и укрепить самодержавие. Глинку огорчило вмешательство Николая I, приказавшего незадолго до премьеры переименовать «Ивана Сусанина» в «Жизнь за царя». Таким образом император искажил центральную идею композитора о гибели главного героя за свой народ. В то же время Ф. И. Шаляпин полагает, что «из российских императоров ближе всех к театру стоял Николай I. Он относился к нему уже не как помещик-крепостник, а как магнат и владыка, причем снисходил к актеру величественно и в то же время фамильярно. Он часто проникал через маленькую дверцу на сцену и любил болтать с актерами...» [22, с. 161].

Николай I вмешивался и в жизнь композитора А. А. Алябьева, автора знаменитого «Соловья» и ряда опер, в том числе «Бури», «Волшебной ночи», «Аммалатбека». С. Д. Скопечная отмечает, что создание «Бури» — «большой успех композитора, едва ли не первая удачная русская опера на шекспировскую тему» [15, с. 63]. Однако в 1825 г. по доносу композитор был обвинен в убийстве и в 1827 г. сослан в Сибирь. Лишь в 1835 г. Алябьеву было разрешено жить у родственников в Московской губернии. Он был зачислен на службу в канцелярию Перовского и использовал это для того, чтобы бывать в Москве — якобы по делам службы. Когда Николай I узнал, что Алябьев, вопреки его воле, несколько лет пребывает в Москве, он «распорядился выслать композитора в Коломну» [15, с. 64]. Вынужденные перемещения негативно отражались на настроении и творчестве Алябьева.

Современником Глинки был А. С. Даргомыжский (1813—1869). В числе его произведений оперы «Русалка» и «Каменный гость». Для его опер характерны большая социальная острота и драматическая напряженность. «Каменный гость» — опера, не уступающая «по своему историческому значению операм Глинки, но, конечно, в ином плане и отношении», — писал Б. В. Асафьев [1, с. 15]. А. С. Даргомыжский одним из первых утвердил на оперной

сцене новое направление, соответствовавшее критическому реализму в литературе. Его представителями были А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и др., выразившие основные идеи эпохи: антикрепостническую и антидворянскую направленность, пристальное внимание к реальной жизни.

В 1824 г. Петровский театр разделился на два — Большой и Малый. Официальной датой открытия Большого театра считается 6 (18) января 1825 г. В первые десятилетия в театре шли и оперные и драматические спектакли. На сцене Малого театра иногда появлялись оперные постановки. Так, например, в Малом театре состоялась премьера оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Композитор не жаловал Большой театр, но любил Малый, поэтому и решил дать премьеру на его сцене. Спектакль прошел 17 марта 1879 г. Роли исполняли ученики консерватории: М. Климентова (Татьяна), А. Левицкая (Ольга), С. Гилев (Онегин), М. Медведев (Ленский), В. Махалов (Гремлин и Ротный) и др. [18, с. 493].

Во второй половине XIX в. опера развивалась под влиянием передовых, демократических идей того времени, навеянных Великими реформами Александра II. Особой популярностью пользовалось народничество. На исторической сцене возник новый социальный слой — интеллигенция, которая стала оказывать влияние на степень популярности тех или иных литературных произведений и спектаклей. Интеллигенцию особенно волновали вопросы о взаимоотношениях самодержавия и народа, события с участием народных масс. В музыке огромную роль сыграло творчество членов объединения композиторов «Могучая кучка» — М. А. Балакирева, М. П. Мусоргского, Ц. А. Кюи, А. П. Бородин, Н. А. Римского-Корсакова. Объединение возникло на фоне революционного брожения эпохи крестьянских бунтов и восстаний. Члены «Могучей кучки» черпали демократические идеи из произведений В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Это позволило им создать передовое, прогрессивное начало в русской опере. Они стремились передать в своих произведениях «правду жизни» и национальный характер, широко использовали русские народные мелодии. В 1855 г. Н. Г. Чернышевский выпустил свою диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой утверждалось, что задача искусства заключается в воспроизведении природы и жизни и оно должно выражать приговор художника о явлениях жизни. Эстетические взгляды «кучкистов» были близки к теории Чернышевского.

Композиторы «Могучей кучки» родились при крепостническом строе и первую половину жизни наблюдали за его ужасами. Вторая половина жизни ушла у них на то, чтобы воспроизвести эти ужасы в своем творчестве. Так, наблюдая за простыми мужиками из числа крепостных крестьян, М. П. Мусоргский создал их верные и поразительные образы в операх «Борис Годунов» и «Хованщина». У этих мужиков, как писал известный критик В. В. Стасов,

«одинакая смесь добродушия, наивности, покорности, пригнетенности — и тут же сейчас ума, лукавства и едкой насмешливости» [16, с. 14].

«Кучкисты» противостояли Русскому музыкальному обществу (РМО) и Петербургской консерватории, преклонявшимся перед Европой, а, значит, и «великосветской» публике. Тем не менее М. А. Балакирев занимал должность главного дирижера РМО. Однако проводившаяся им репертуарная политика возмущала его противников во главе с великой княгиней Еленой Павловной. В 1869 г. Балакирев вынужден был покинуть Русское музыкальное общество.

Некоторые оперы «кучкистов» были сочтены революционными, антиправительственными. Так, например, в 1871 г. опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов» была забракована комитетом капельмейстеров и дирижеров Мариинского театра, а партитура возвращена композитору. Публикация «Бориса Годунова» А. С. Пушкина в свое время была задержана Николаем I. Произведение появилось в эпоху восстания декабристов и отзывалось на современную жизнь. Что же касается оперы Мусоргского, то комитет «был поражен и возмущен самой музыкой — ее дерзкой новизной, необычайной силой выражения, что в связи с «подозрительным» содержанием навредило на мысль о какой-то революционности» [17, с. 108]. А у Н. А. Римского-Корсакова возникли проблемы с цензурой в связи с постановкой оперы «Золотой петушок», в которой можно было усмотреть сатиру на самодержавие. Поэтому композитору при жизни не удалось осуществить постановку оперы.

В 1860-е гг. на оперной сцене появились произведения А. Н. Серова. В его исторической опере «Рогнеда» (1865) прослеживается идея национальной государственности. Во «Вражьей силе» (опера закончена женой Серова и Н. Ф. Соловьевым) представлен быт купечества и городского мещанства. В 1870–80-е гг. создал свои наиболее сильные оперы А. Г. Рубинштейн. Это было правление Александра II, который не вмешивался лично в театральные постановки. Как пишет Ф. И. Шаляпин, он «посещал театры очень редко, по торжественным случаям. Был к ним равнодушен» [22, с. 162].

Особое значение в музыкальной культуре России имело творчество П. И. Чайковского — автора опер «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Иоланта» и др. Чайковскому покровительствовал император Александр III. Через четыре года после своего воцарения он упразднил итальянскую оперу, доминировавшую на российской сцене. Русская опера обрела самостоятельную ценность и стала господствовать в императорских театрах. Между П. И. Чайковским и Александром III установились доверительные отношения. Еще будучи цесаревичем, Александр Александрович помогал композитору материально. В 1881 г. нуждавшийся в деньгах Чайковский через К. П. Победоносцева дерзнул попросить государя выдать ему три тысячи рублей серебром. Александр III распорядился выдать композитору эти деньги и передать, что он может их не возвращать.

В 1887 г. он назначил Чайковскому ежегодное содержание в размере трех тысяч рублей. Император был тем человеком, которому удалось переломить общественное мнение о Чайковском в пользу композитора. Так, например, о музыке оперы «Евгений Онегин» некоторые коллеги Чайковского говорили, что она однообразна и скучна. Но Александр III, сам посещавший театры, переломил это мнение. Ф. И. Шаляпин в своих воспоминаниях подтверждает любовь Александра III к театру, утверждая, что император «любил ходить в оперу и особенно любил «Мефистофеля» Бойто» [22, с. 116].

В советской историографии создавался образ П. И. Чайковского как носителя передовых идей. На деле же композитор был монархистом — он поддерживал личные связи с представителями царской фамилии, выполнял музыкальные заказы царственных особ, например, по случаю коронационных торжеств. Достаточно вспомнить его знакомство с великим князем Константином Константиновичем Романовым (К. Р.), с которым он вел переписку и на стихи которого писал романсы. Несколько романсов П. И. Чайковский посвятил императрице Марии Федоровне, проявлявшей внимание к композитору. Используя свои связи с Александром III, Чайковский в 1887 г. обратился к императору с ходатайством о выделении финансов для завершения строительства здания театра в Тифлисе (старое здание сгорело при пожаре). Именно благодаря ходатайству Чайковского здание было достроено, а ныне это — Грузинский театр оперы и балета имени Закарии Палиашвили (Тбилиси).

В конце XIX — начале XX вв. русское оперное искусство достигает расцвета. К тому времени факт существования русской национальной музыкальной школы был общепризнан не только в самой России, но и за рубежом. Можно утверждать, что к началу XX в. завершилось становление русской национальной оперы. Царствовавший в то время Николай II «ходил и в оперу, и в драму» [22, с. 162]. Он лично утверждал репертуар театров. Так, например, не удовлетворенный сюжетом былины «Садко», император вычеркнул из репертуара императорских театров одноименную оперу Н. А. Римского-Корсакова, сказав: «...Пусть вместо этой оперы дирекция подыщет что-нибудь повеселее» [цит. по: 6, с. 188].

Великие князья тоже были большими любителями театра. Ф. И. Шаляпин вспоминал, как после окончания одного из представлений великий князь Сергей Михайлович преподнес ему шампанское в стакане из венецианского стекла от имени императора. Шаляпин, решив оставить чудесное изделие себе, сказал великому князю: «Прошу ваше высочество, передайте государю императору, что Шаляпин на память об этом знаменательном случае стакан взял с собой» [22, с. 164].

В эпоху Николая II дискредитированные правящими кругами композиторы «Могучей кучки» были реабилитированы. В 1893 г. Большой театр впервые поставил оперу Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». Наступила пора

признания М. П. Мусоргского. В 1896 г. была осуществлена постановка оперы Мусоргского «Борис Годунов» в новой редакции Н. А. Римского-Корсакова. Как пишет советский музыковед, преподаватель ГИТИСа Е. М. Гордеева, «завоевав признание и выйдя за пределы России, творчество композиторов «Могучей кучки» продолжает существовать и в пору зарождения и развития музыкального экспрессионизма — в операх Р. Штрауса и поздних симфониях Г. Малера, — и расцвета итальянского веризма, представленного именами Р. Леонкавалло, П. Масканьи и Дж. Пуччини, в пору, когда выступили глава новой испанской школы И. Альбенис и тонкий художник звуковой палитры французский композитор-импрессионист К. Дебюсси» [6, с. 4].

Во время революционных потрясений и распространения соответствующих настроений в России фигура царя утратила свой вес. Более того, проявление верноподданничества в театральной среде могло негативно отразиться на артистах. Так, например, Ф. И. Шаляпина, исполнителя «Дубинушки» и «Марсельезы», сочувствовавшего простому народу, многие считали революционером. Однако 6 января 1911 г. произошел случай, который передовые люди расценили как «грех коленопреклонения», а демократическая молодежь стала называть Шаляпина «лакеем», «мерзавцем», «предателем». В этот день в Мариинском театре давали оперу «Борис Годунов» с Федором Ивановичем в главной роли. На спектакле присутствовал Николай II с семьей. После многочисленных вызовов публики, последовавших за монологом «Достиг я высшей власти», Шаляпин хотел отправиться за кулисы, но услышал крики: «Гимн! Гимн!». Хористы запели «Боже, царя храни». Они двинулись в сторону царской ложи и упали на колени перед Николаем II. Шаляпин, находясь в растерянности, опустился на одно колено у трона Годунова. Вскоре выяснилось, что хор, враждовавший с дирекцией, решил подать лично императору прошение о прибавке к пенсии. Певцы рассчитывали на то, что разгневанный царь вышлет к хору флигель-адъютанта, через которого хористы и передадут свою петицию государю. Шаляпин не придавал этому случаю особого значения, но уже через пару дней узнал, что даже близкие друзья посчитали его инициатором политической верноподданнической акции. К примеру, художник В. А. Серов писал Шаляпину: «Что это за горе, что даже и ты кончаешь карачками. Постыдился бы» [цит. по: 8, с. 285]. И здесь мы видим пример тесного переплетения искусства и политики. Этот случай с Шаляпиным был во многом сфабрикован и раздут прессой. Сам артист описывает свою реакцию на происходившее в театре так: «Когда я услышал, что поют гимн, увидел, что весь зал поднялся, что хористы на коленях, я никак не мог сообразить, что, собственно, случилось, — не мог сообразить, особенно после этой физически утомительной сцены, когда пульс у меня 200. Мне пришло в голову, что, должно быть, случилось какое-нибудь страшное террористическое покушение...» [22, с.

284]. Интересно, что просьба хора о пенсиях не была приведена во многих газетных комментариях. Таким образом, фигура царя в позднеимперской России могла способствовать травле признанного артиста. С другой стороны, Николай II был тронут такой «демонстрацией» артистов и его отношение к Шаляпину и русской опере после этого могло только улучшиться.

В конце XIX — начале XX века центрами музыкальной жизни России были Мариинский и Большой театры. В. Н. Дмитриевский характеризует Мариинский театр так: «В 1890-х годах Мариинский театр обладал превосходными силами. У дирижерского пульта стояли талантливые и опытные капельмейстеры — Э. Ф. Направник, Э. А. Крушевский, Ф. М. Блуменфельд, постановку опер осуществлял эрудированный режиссер и педагог, в прошлом известный певец О. О. Палечек, с мнением которого считались композиторы А. П. Бородин, М. А. Балакирев, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский» [8, с. 69]. Прославился и Большой театр, собравший в своей труппе целую плеяду замечательных исполнителей. Кроме того, в течение двух сезонов (1904—1906 гг.) оперой Большого театра руководил С. В. Рахманинов.

Тем не менее, как подчеркивается в исследованиях по истории музыкального театра, основные достижения оперного искусства того времени были связаны с Частной оперой в Москве (С. И. Мамонтова, а затем — С. И. Зимина). В 1882 г. при Александре III было отменено исключительное право Дирекции Императорских театров давать спектакли, что позволило создавать частные театры. Театр выходца из купеческой среды, известного московского промышленника и любителя искусства Саввы Ивановича Мамонтова открылся в 1885 г.

Частная опера собрала в своей труппе немало достойных исполнителей. Среди певцов в театре Мамонтова блистали Н. Забела-Врубель, Т. Люботович и Е. Цветаева. На сцене Частной оперы раскрылся талант Ф. И. Шаляпина, который, по словам известного польского оперного режиссера, педагога и театроведа Б. Горовича, «был одним из самых полных воплощений понятия оперного актера» [7, с. 209].

В театре С. И. Мамонтова ставились оперы русских композиторов — Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Серова — «оперы, которым трудно было попасть на императорскую сцену» [20, с. 108]. Русские оперы составляли большую часть репертуара. Как отмечает Туманина, у театра была «осознанная цель пропаганды русского оперного творчества» [19, с. 339].

Наиболее серьезное соперничество Частной оперы с казенной сценой происходило в 1880-е годы, когда на последней выступали прославленные итальянские певцы — Таманьо, Котоньи, Мазини. Однако после 1896 г. мамонтовский театр расцвел, появились художественно полноценные спектакли. Громадную роль в этом сыграли прославившие Россию художники из Абрамцевского кружка или близкие к нему: В. М. Васнецов, М. А. Врубель, В. А. Серов, В. Д. Поленов, К. А. Коровин. Следует также

отметить, что театр создавал почву для взаимного культурного обогащения художников и композиторов. Так, керамические шедевры М. Врубеля «Весна», «Лель», «Морской царь», «Садко» и «Снегурочка» были созданы под впечатлением от музыкальных произведений Н. А. Римского-Корсакова.

Отрицательной чертой мамонтовской оперы было то, что ее владелец не обращал особого внимания на оркестр, в то время как в императорских театрах были блестящие оркестры. Савва Иванович явно недооценивал музыкальную сторону спектакля. Как справедливо отмечает канд. филол. наук С. Р. Федякин (Литературный институт им. А. М. Горького), Мамонтова «привлекала зрелищная сторона оперы: сцена, декорации, актерская пластика. Он мало внимания обращал на музыкальную сторону представления» [20, с. 112].

После ареста Мамонтова в 1899 г. Частная опера оказалась в затруднительном положении. Как пишет Н. В. Туманина, «театр стал клониться к упадку, чему содействовали многие обстоятельства, как внешние, так и внутренние» [19, с. 344]. Тем не менее «значение частной русской оперы Мамонтова на рубеже XIX и XX веков было очень велико: театр помог найти решение одной из самых важных задач, стоявших перед русским оперно-театральным искусством — он поднял и положительно решил проблему русского оперного репертуара, привлек к ней широкий общественный интерес, показав все богатство и многогранность русского оперного творчества. Важнейшим завоеванием были постановки с неизмеримо повысившимся общим ансамблем искусств, создающим синтетический оперный спектакль, оказавший большое влияние на последующее развитие оперного театра в целом. После них уже нельзя было довольствоваться установившимися штампами императорской сцены. Надо было заботиться о соответствии оформления спектакля композиторской партитуре, думать об исторической и национально-этнографической достоверности» [19, с. 344].

В 1903—1917 гг. в Москве работала Частная опера С. И. Зимина. Сергей Иванович Зимин происходил из купеческой семьи, страстно увлекался музыкой и театром, брал частные уроки вокала. Сестра С. И. Зимина Любовь Ивановна (в замужестве Райская) училась музыке. «Одна моя сестра и развивала меня, она и брала меня на концерты, более симфонические, в оперу и драму», — пишет С. И. Зимин [10, с. 14]. Как уже отмечалось, и С. И. Мамонтов, и С. И. Зимин были выходцами из купеческой среды. Этот факт подтверждает высказанный нами в одной из предыдущих публикаций тезис о том, что «со второй половины XIX века музыка и театр стали неотъемлемой частью жизни московского купечества» [2, с. 510].

В театре С. И. Зимина ставилось большое количество русских опер, среди которых были «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, «Золотой

петушок» и «Кашей Бессмертный» Н. А. Римского-Корсакова, «Вражья сила» А. Н. Серова, «Измена» и «Ася» М. М. Ипполитова-Иванова, «Клара Милич» А. Д. Кастальского, «Кудеяр» А. А. Оленина, «Елка» В. И. Ребикова и др. Популярны в то время зарубежные оперы также шли в театре Зимина. На его сцене ставились такие шедевры мировой классики, как «Аида» Дж. Верди, «Богема» Дж. Пуччини, «Дон Жуан» В. — А. Моцарта и др. Опера Зимина славилась в разные годы выступлениями выдающихся артистов, в том числе Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова, В. Н. Петровой-Званцевой. В труппе театра было немало замечательных артистов: бас М. И. Шуванов, баритон П. С. Оленин, тенор А. М. Карезин и др. Но в конце 1917 г. театр был передан в ведение Совета рабочих и крестьянских депутатов, а оперная студия ликвидирована.

Политика российских правителей по вмешательству в театральные-музыкальные дела имела продолжение и в советское время. В 1947 г. на сцене Большого театра была поставлена опера Вано Мурадели «Великая дружба». После того, как на одном из спектаклей побывало руководство страны, было принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 г., в котором осуждался формализм в музыке, а «Великая дружба» объявлялась «порочным антихудожественным произведением». Государственные и партийные деятели сочли, что грузины и осетины представлены в постановке как враги русского народа в годы становления советской власти. В. Мурадели был отстранен от руководящей работы в Союзе композиторов. Его участь разделил выдающийся композитор Д. Д. Шостакович, который также был обвинен в формализме. В то же время Тихон Хренников стал своего рода «фаворитом» советского руководства. И в данном случае история повторилась: в конце XIX века П. И. Чайковский был «фаворитом» Александра III.

Литература:

1. Асафьев Б. А. Русская музыка. XIX и начало XX века. — 2-е изд. — Л.: Музыка, 1979. — 344 с.
2. Бабенко О. В. Музыка и театр в жизни московского купечества второй половины XIX — начала XX вв. (по воспоминаниям П. А. Бурышкина и Н. П. Вишнякова) / О. В. Бабенко // Молодой ученый. — 2014. — № 20. — С. 508–510.
3. Гозенпуд А. А. Русский оперный театр XIX века (1836–1856). — Л.: «Музыка», 1969. — 464 с.
4. Гозенпуд А. А. Русский оперный театр XIX века (1857–1872). — Л.: «Музыка», 1971. — 335 с.
5. Гозенпуд А. А. Русский оперный театр XIX века (1873–1889). — Л.: «Музыка», 1973. — 328 с.
6. Гордеева Е. М. Композиторы «Могучей кучки». — 4-е изд. — М.: «Музыка», 1986. — 288 с.
7. Горович Б. Оперный театр: Пер. с польск. М. Малькова. — Л.: «Музыка», 1984. — 224 с.
8. Дмитриевский В. Н. Шаляпин / В. Н. Дмитриевский. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 543 с.
9. История оперы в России. 1672–1731. Музыкальный театр. Часть 1. — URL: www.olofmp3/index.php/Istoriya-opery-v-Rossii. — 1672–1731. — Muzykalynyi-teatr. — Chasty-1.html (дата обращения: 20.04.2018 г.).
10. История Оперы Зимина. 1903–1917 гг.: Сб. / Составл. В. Пронина. — М.: МФ «Поколения», 2005. — XIV, 350 с.
11. Краткий музыкальный словарь-справочник / Ред. Э. Леонова. — М.: ООО «Изд-во Кифара», 2011. — 200 с.
12. Комарницкая О. В. Русская опера XIX — начала XXI веков. Проблемы жанра, драматургии, композиции: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.02. / Комарницкая О. В.; [Место защиты: Ростовская государственная консерватория (академия)]. — Ростов-на-Дону, 2012. — 757 с.

Таким образом, на становление русской национальной оперы оказал влияние целый ряд факторов. Среди них демократизация общества и осознание необходимости развития национального оперного жанра. В то же время прекрасные отношения П. И. Чайковского с членами царской семьи тоже способствовали развитию русского музыкального театра. Кроме того, на развитие оперы оказали влияние русские народные песни, сказки, исторические события героического характера. Особую роль, роль первостепенного значения сыграли правители России, которым была небезразлична судьба театра, особенно Екатерина II и Александр III. Более того, Екатерина II — серьезный реформатор театра. Особняком стоит фигура Елизаветы Петровны, создавшей государственный российский театр. Строгим цензором и любителем фамильярного общения с актерами был Николай I. Театр увлекал и Николая II, лично утверждавшего театральные репертуар. Тем не менее роль правителей в развитии театрального искусства не всегда была однозначной. В дореформенной России государи вели себя в отношении театра как помещики-крепостники: определяли какой должна быть опера, какое название она должна носить и т. п. А вмешательство царей в постановки опер искажало их первоначальную суть, как это было с оперой М. И. Глинки «Иван Сусанин». Иногда политическая обстановка способствовала тому, что та или иная опера квалифицировалась как «революционная» и запрещалась. Вмешательство властей в театральные дела получило продолжение и в советский период. Взаимоотношения в системе «царь-театр», «политика-искусство» были весьма сложными и имели немало многослойных составляющих, которые невозможно проанализировать в отдельно взятой небольшой публикации. Мы полагаем, что исследование исторических аспектов развития русской оперы найдет достойное продолжение в современной научной литературе.

13. Мочалкин О. Откуда есть пошел русский театр // Театральный курьер. — 2017. — № 3 (184). — С. 3.
14. Неясова И. Ю. Русская историческая опера XIX века: К проблеме типологии жанра: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. — Магнитогорск, 2000. — 182 с.
15. Скопечная А. Д. Московский Парнас. — М.: Московский рабочий, 1983. — 176 с.
16. Стасов В. В. Перов и Мусоргский. — М.: Музгиз, 1952. — 44 с.
17. Туманина Н. В. Мусоргский. — М.; Л.: Музгиз, 1939. — 240 с.
18. Туманина Н. В. П. И. Чайковский: Путь к мастерству. 1840—1877 гг. — Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 584 с.
19. Туманина Н. В. Русский оперный театр на рубеже XIX и XX веков // Русская художественная культура конца XIX — начала XX века (1895—1907). — Кн. 1. Зрелищные искусства. Музыка. — М.: Наука, 1968. — С. 333—361.
20. Федякин С. Р. Рахманинов / С. Р. Федякин. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 478 с.
21. Чешихин В. История русской оперы. — СПб.: Столичная типография, 1902. — 271 с.
22. Шаляпин Ф. И. Маска и душа / Ф. И. Шаляпин. — М.: АСТ, 2014. — 320 с.

Формы материальной поддержки дворян-землевладельцев во второй половине XIX века

Бакарягин Степан Сергеевич, студент магистратуры
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

К моменту освобождения крестьян материальное положение немалой доли помещичьего дворянства оставалось желать лучшего. Уже в начале 1859 г. общая сумма помещичьего долга в масштабах всей страны составляла 425 503 061 рубль. Из 111 693 имений было заложено в различных банках и у частных лиц 44 166, что в процентном соотношении представляло 39,54 % от общего числа дворянских хозяйств [10, с. 136].

Как известно, в 1859 г. был введен запрет на выдачу ипотечных кредитов помещикам из казенных кредитных учреждений и дворянских банков. Правительство считало деятельность подобных организаций неэффективной и потому решилось на их ликвидацию [4, с. 73]. Дворяне-землевладельцы встретили известие о перекрытии государственных источников займов с большим расстройством. Опекунский совет обвинили в «измене» дворянскому сословию. У многих еще были живы воспоминания о соблазнительной процедуре заклада имений: «поездка в Москву, пребывание там, дивные селянки, икра, осетрина в московских трактирах, посещение грановитой палаты, царь-колокол, цыганки... и вдруг все это тью-тью!» [13, с. 196].

Залоговая операция, в которой клиент связывает себя долговыми обязательствами, по природе своей не носит положительного характера, но в случае с помещиками она удивительным образом превратилась в почти что праздничную церемонию. Становится понятным, из-за чего к залогоу прибегали не только те дворяне, кто находился в трудном финансовом положении, но даже крупные помещики, у которых дела в имении шли вполне неплохо, но лишать себя приятного времяпровождения и дополнительных финансовых средств им тоже не хотелось. Что речь идет о долге будто бы никого не заботила. Утрата такого легкого

способа получения денег принесла немало беспокойств, но помещичьему дворянству не оставалось ничего другого, как смириться и искать новых путей по укреплению своего материального положения.

Государственный источник займов под залог земли был открыт спустя только четверть века с открытием Дворянского поземельного банка. Между тем, пореформенные годы создавали помещикам уже не праздную, а вполне объективную потребность в финансовых средствах. Дворяне-землевладельцы ждали выкупных денег с крестьян, но использовали их не всегда производительно. Помещики признавали: «Лишь малейшие крохи этой массы денег коснулись земли... Выкупные были восприняты многими как временное пособие, которое тотчас же было пропито, проиграно в карты или проедено за границей» [11, с. 16, 18]. Н. П. Семенов в этом отношении констатировал, что деньги из частных земельных банков, выданные помещикам после освобождения крестьян, не смогли удовлетворить потребности дворянского сословия [12, с. 36—37].

Тем не менее, благодаря выкупной операции дворяне-землевладельцы смогли освободиться от своей задолженности государственным дореформенным банкам, которая накапливалась в течение 105 лет (1754—1859 гг.). Помещики получили на руки государственными ценными бумагами и частично деньгами 587 млн рублей. Получаемые ими выкупные свидетельства принимались по нарицательной цене в качестве погашения долга старым кредитным учреждениям [9, с. 110—111].

Если обратиться к рассмотрению петиционной деятельности дворянских собраний, то мы увидим, что на рубеже 1870-х — 1880-х гг. одним из наиболее главных ее

направлений стало требование организации дешевого государственного кредита для помещиков [7, с. 255]. Пожалуй, только немногие представители поместного дворянства видели в кредите «страшное оружие, пользование которым, как пользование опиумом, может быть допущено лишь в исключительных случаях» [4, с. 124].

Большинство защитников дворянского сословия ратовало за облегчение доступа помещиков к кредиту. Выражалась мысль, чтобы эта материальная помощь имела характер субсидии или дотации, а значит исключала бы условия жесткого возврата. Авторы подобных идей обсылали свои нескромные запросы тем, что после реформы 1861 г. на долю поместного дворянства выпало немало страданий и невзгод, и государственная субсидия явилась бы своего рода компенсацией помещикам за освобождение крестьян [4, с. 125]. При этом будто бы не брались в расчет выкупные платежи, которые уже были получены и, скорее всего, истрачены.

Когда дворяне лишились доступа к государственному кредитованию, то им ничего другого не оставалось, как обращаться в частные земельные банки. Первое ипотечное учреждение, выдававшее поземельные ссуды, было создано в 1864 г. и носило название «Земский банк Херсонской губернии». Его учредителями выступили представители херсонского дворянства во главе с губернским предводителем. Немногим позже, их опыт был воспринят другими регионами (Саратовская, Пензенская, Екатеринославская губернии и др.), однако практика создания земских банков не получила там должного развития [9, с. 153].

В 1866 г. возникло Общество взаимного поземельного кредита, которое имело уже всероссийский характер. Среди его учредителей были выходцы из знатных дворянских фамилий — Васильчиковы, Гагарины, Бярятинский, Лобанов-Ростовский, Голицын, Меншиков, Щербатов, Паскевич, Щербатов, Шуваловы, Шереметев и др. К 1871 г. Общество выдало поземельных ссуд на сумму 44, 7 млн рублей. Надо сказать, что правительство оказало Обществу огромную поддержку, когда предоставило ему многомиллионную субсидию и гарантировало платежи по закладным листам. Однако Обществу не удалось разместить закладные листы в России и поэтому пришлось искать капиталы за рубежом, уплачивая иностранным банкам большие комиссионные. Это обстоятельство, известным образом, удорожало кредит, а значит снижало его привлекательность в дворянской среде [9, с. 154–155].

Ипотечная ссуда была призвана удовлетворить нужду дворян-землевладельцев в финансовых средствах. Наличие недвижимой собственности давало возможность относительно легкого получения ссуд под низкий процент и на длительный срок. Используя их, помещики рассчитывались со старыми долгами, пытались принять участие в торговле, промышленном производстве, банковской деятельности и биржевой игре, а кто-то направлял их в сельскохозяйственное производство [9, с. 147]. Вовлечение дворян-землевладельцев в сферу рыночных отношений

свидетельствует о том, что российский помещик постепенно превращался в предпринимателя [3, с. 289].

Поместное дворянство нуждалось в капитале для перестройки своего хозяйства. Стремление модернизировать свое имение было свойственно для владельцев всех типов имений [6, с. 24]. Это в известной мере подтверждается данными на примере помещичьих землевладений Верхнего Поволжья, где мелкие, средние и крупные имения пытались решить задачу по созданию капиталистического хозяйства, но каждое из них осуществляло ее в силу своих имеющихся ресурсов [2, с. 92–96].

Возможностью взять ссуду в крупных банках обладали преимущественно крупные и средние хозяйства, тогда как для мелких имений существовала система кредитной кооперации. Учреждения мелкого кредита были представлены следующими типами банков — кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, сословно-общественные учреждения, земские кассы мелкого кредита. Ссуды выдавались под залог сельскохозяйственной продукции или инвентаря, под поручительство или на основе личного доверия [9, с. 130]. Кредитная кооперация распространялась не только на поместное дворянство. В Ветлужском уезде Костромской губернии братьями Владимиром (1834–1911) и Святославом (1837–1866) Лугиниными был организован первый сельский кредитный кооператив в России. Известно, что крестьяне сначала относились с некоторым подозрением к совершенно новому для них явлению и видели в этом спекуляцию помещика, который наверняка, думали они, хочет поправить свои дела, расстроенные после отмены крепостного права. Со временем крестьяне стали понимать выгоду получения денег под небольшие проценты, и число членов товарищества стало расти [1, с. 172, 177].

В 1880-е гг. наблюдается потребность помещиков в краткосрочном кредитовании, в связи с чем в это время у них возникает интерес к кассам взаимопомощи. Речь, главным образом, шла о предоставлении кредита на 12 месяцев, но дворяне-землевладельцы злоупотребляли возможностью регулярно обновлять краткосрочные кредиты и фактически превратили их в разновидность долговременных ссуд. Популярность касс взаимопомощи не ослабла и к началу XX столетия. Закон 1902 г. предоставил право любому губернскому дворянскому собранию на учреждение кассы взаимопомощи [4, с. 131–132].

Итак, с ликвидацией в 1859 г. старой системы кредитования в пореформенный период формируется новая ипотечная структура. Правительство перекрыло дворянам доступ к государственным ссудам, но в то же время не оставляло помещиков на произвол судьбы и немало поддерживало частные банковские учреждения, предоставляющие им ссуду. Дворяне-землевладельцы не оценили такие формы поддержки и со временем выразили возмущение по поводу отсутствия государственной ипотеки.

В 1883–1884 гг. ряд помещиков Смоленской, Орловской, Воронежской, Костромской, Бессарабской,

Черниговской, Пензенской и Самарской губерний устроили своеобразный демарш перед правительством и провозгласили, что отсутствие долгосрочного кредита является главной причиной трудностей, переживаемых помещичьим дворянством [7, с. 256]. Во многом следствием этого обстоятельства стало открытие в 1885 г. Государственного Дворянского земельного банка.

Цель его создания заключалась в поддержании землевладения потомственных дворян за счет выдачи им ссуд под залог принадлежавшей земли. Общая стоимость имения не должна была быть ниже 500 рублей (с 1890 г. это условие изменилось, обязательная стоимость была повышена до 1000 рублей). Банк находился в ведении министра финансов. Размер выдаваемой ссуды мог достигать 60 % от стоимости имения. Ссуды предоставлялись под 5,5 % годовых, а с 1899 г. — под 4,5 %. У помещиков было право одновременно закладывать имения как в Государственном Дворянском земельном банке, так и в других ипотечных учреждениях. Для этого, разве что, нужно было заручиться согласием Государственного Дворянского поземельного банка. За ним же оставалось преимущественная прерогатива в деле взыскания долга с нерадивых помещиков [5, с. 16–18].

Создается впечатление, что растущая задолженность перед Государственным Дворянским банком не особенно беспокоила дворян-землевладельцев. Минимальный процент заложенных имений выставлялся банком на торги, оттого помещики имели немалый соблазн воздержаться от взносов по ипотеке. Вероятность принудительной продажи имения была ничтожно мала. Так, по подсчетам С. Беккера, в 1891–1896 гг. банк продавал с аукциона в среднем 41 имение в год, что составляло 0,003 % от числа всех заложенных в нем [4, с. 127]. За более поздний период исследователь М. Н. Езжева приводит данные

А. М. Анфимова, согласно которым за период 1901–1913 гг. было продано 400 имений из 28000 заложенных [5, с. 18]. Если вычислить средний показатель, то в год продавалось 31 имение. В процентном выражении мы имеем приблизительно 0,001 % от 28000 имений.

Из приведенных данных об условиях выдачи ссуд Государственным Дворянским земельным банком и терпимом отношении к должникам можно увидеть, что банк работал в интересах сословия. По объему выданных ипотечных ссуд он соперничал со всеми акционерными банками вместе взятыми [9, с. 133]. Однако среди помещичьего дворянства эти благие дела не получили должного удовлетворения.

Н. П. Семенов в этом отношении заявлял, что Дворянский поземельный банк не давал таких возможностей, «какие давали кредитные установления до реформы» [12, с. 41]. Не оказался снисходительным и Н. А. Павлов, по мнению которого ссуды Дворянского банка при размерах 60 % выдачи и систематического понижения оценок не стоит рассматривать в качестве помощи землевладельцам. Он считал деятельность Дворянского и Крестьянского банков неверной, поскольку ее сопровождали «массовые перезалоги и переоценки, — спутники ажиотажа и конкуренции. Во время продажи земель взвинтили цену четверо и впятеро. В той же пропорции увеличились ипотечные долги помещичьего класса» [8, с. 69, 87].

Подводя некоторый итог, хотелось бы отметить, что в пореформенной России существовали разнообразные формы материальной поддержки дворянского сословия. С открытием в 1885 г. Дворянского поземельного банка помещики получили возможность государственного ипотечного кредитования, но в их восприятии этот банк, равно как и частные, не выдерживал конкуренции с дореформенными кредитными учреждениями.

Литература:

1. Александров, Н. М. Пионеры сельской кредитной кооперации в России Владимир и Святослав Лугинины и ветлужское крестьянство (к вопросу о роли интеллигенции в модернизации пореформенной России) / Н. М. Александров // Северо-Запад в аграрной истории России. — 2016. — № 22.
2. Александров, Н. М. Уровень развития капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Верхнего Поволжья в пореформенный период / Н. М. Александров // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В. Н. Никулина. — Калининград, 2003.
3. Анфимов, А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века) / А. М. Анфимов. — М.: Наука, 1969.
4. Беккер, С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Перевод с английского Бориса Пинскера. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.
5. Езжева, М. Н. Роль Государственного Дворянского земельного банка в сохранении помещичьего землевладения в России / М. Н. Езжева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2007. — № 2.
6. Ковальченко, И. Д., Селунская, Н. Б., Литваков, Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения / И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунская, Б. М. Литваков. — М.: Наука, 1982.
7. Корелин, А. П. Дворянство в пореформенной России (1861–1904): состав, численность, корпоративная организация / А. П. Корелин. — М.: Наука, 1979.

8. Павлов, Н. А. Записки землевладельца. Ч. I / Н. А. Павлов. — Пг.: Типография Т-ва А. С. Суворина, 1915.
9. Проскурякова, Н. А. Ипотека в Российской империи / Н. А. Проскурякова. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
10. Рубакин, Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (Опыт статистической характеристики сословно-классового населения русского государства / Н. А. Рубакин. — СПб.: Изд-во «Вестника знания» (В. В. Битнера), 1912.
11. Савельев, П. И. Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905—1907 гг. / П. И. Савельев // Крестьянское движение в трех русских революциях. — Куйбышев, 1982.
12. Семенов, Н. П. Наше дворянство (положение его до и после реформы) / Н. П. Семенов. — СПб.: Типография СПб. акц. общ. печатного дела в России, 1899.
13. Терпигорев, С. Н. Оскудение. «Благородные». Т. 1. — Отцы. Изд-е 2-е / С. Н. Терпигорев. — М. — СПб.: Изд-е М. О. Вольфа, 1882.

О малоизвестных работах ученого Олега Лосева

Мальцев Сергей Николаевич, ведущий инженер
ОАО «Челябинский радиозавод «ПОЛЕТ»

Лосев советский крупный изобретатель и ученый, создатель нескольких направлений в науке и технике. Нельзя сказать что о нем нет работ, однако эти работы не достаточно отражают его большую работу на развитие радиотехники и электроники.

В этих работах часто умаляются заслуги Лосева тем, что утверждается, что его работы были преждевременны и забыты. Дело в том, что его самые известные работы были использованы и широко применялись радиолюбителями. А с началом войны радиолюбительство было запрещено, а после войны радиолюбительство не сразу, медленно возродилось и в основном на списанной военной технике и радиодеталях. Поэтому работы Лосева оказались не очень популярны в среде послевоенных радиолюбителей. Это создавало впечатление, что работы Лосева забыты и не используются. Однако достижения Лосева были не только радиолюбительские. Лосев много внес нового в науку о полупроводниках, в технику, в технологию исследования, а это никогда не забывается и всегда используется в научных лабораториях и конструкторских бюро, хотя и не так заметно историкам и популяризаторам науки. Ведь Лосев внес вклад почти во все разделы полупроводниковой техники: фотоприемники, детекторы, выпрямители тока, а светодиоды, усилители, генераторы волн он изобрел первым.

Новизна работы заключается в том, что в отличие от других работ более подробно рассматриваются патенты Лосева из архива патентов и темы работ в ЦЛР и ЛФТИ. **Целью** статьи можно считать уточнения знания и представления об этой части истории техники.

Немного пред историей изучения и использования полупроводников. [1.]

1873 г. М. Фарадей обнаружил прямую зависимость проводимости AgS от температуры.

1883 г. У. Смит опубликовал изменение проводимости селена под воздействием света.

1884 г. Ф. Браун обнаружил не симметричную проводимости сернистого олова.

1887 г. В. Симменс изобрел селеновый фотометр — **первое практическое применение**.

1899 г. А. Попов изобрел «чувствительную трубку» полупроводниковый детектор. [2.]

1906 гг. Пикард изобрел кристаллический полупроводниковый детектор радиоволн

1907 гг. Раунд открыл свечение карборунда под воздействием малого напряжения.

С 1907—1910 были исследования радио детекторных свойств разных материалов Икклзом.

Однако потом был застой в исследованиях, Морис [3 с.14] писал: «В твердо тельной электронике не было прогресса ни в теоретической части ни в практической с 1910 года...».

В январе 1922 года Олег Лосев изобрел полупроводниковый (SiC) кристаллический гетеродинный приемник и опубликовал результаты. После чего изобрел генератор на кристалле SiC и электронный усилитель. Тем самым открыв электро усилительное и генерационное свойство полупроводников. Позднее американский ученый Пикард опубликовал статью где открывателем генерации объявил английского ученого Икклза. Что касается открытия Икклза, то он открыл падающую характеристику галенита в 1910 г.

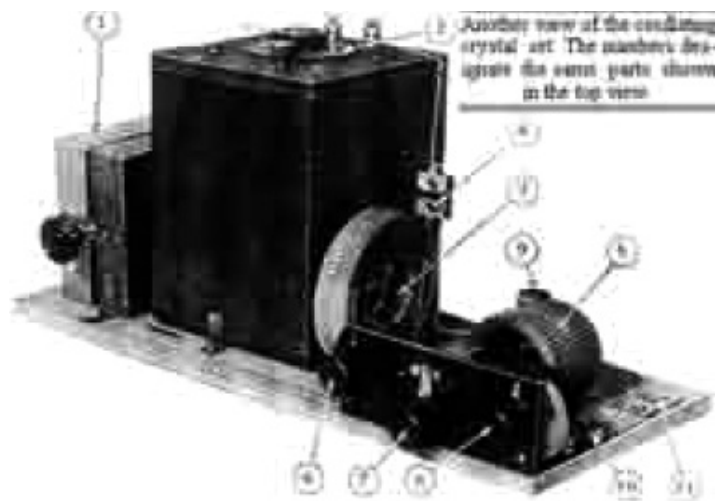
Лосев открыл генерацию радиоволн кристалла галенита в 1922 году.

Пикард открыл связь падающей характеристики с генерацией. Он так же необоснованно объединил эти три открытия в одно открытие и приписал их Икклзу. Заявив, что Лосев только исследовал уже открытое явление. Утверждая при этом, что если была падающая характеристика, как у дуги Дудделя, значит была и генерация и не важно, что Екклз, не обнаружил генерации.

На это Лосев провел исследование, в котором доказал, что никаких искровых и дуговых процессов не происходит и процесс генерации является холодным.

Лосев после открытия генерации нашел ей объяснение, открыв электро-усилительные свойства галенита. Что приравнивало по этому свойству полупроводниковое

диодное устройство с вакуумным триодом, хоть и очень малой мощности. Кроме открытия генерации радиоволн и исследования эффекта, Лосев на основе этого разработал схемы передатчиков и приемников, которые использовались радиолюбителями и даже производились малой серией.

Рис. 17. Кристаллический детектор Лосева.
Изготовлен в Radio News Laboratories. США, 1924 год

Рис. 1.

в Ленинграде в 1928 году на совещании представителей соответствующих ведомств было вынесено решение объединить НРЛ с ленинградской ЦРЛ — Центральной радио лабораторией. В 1931 году Олег Лосев был переведён в вакуумную лабораторию ЦРЛ Остроумова. Эта лаборатория занималась полупроводниками: меднозакисными выпрямителями, радио детекторами, вентильными фотоэлементами, что соответствовало научным интересам Лосева.

При исследовании карборунда (SiC) в 1927—1928 году Лосев обнаружил свечения кристалла карборунда. Однако

свечения кристалла карборунда (карбида кремния) было открыто в 1907 году в лаборатории Маркони Г. Раундом. Лосев исследовал этот малоизвестный эффект и изобрел первый в мире светодиод, названный им диодное «световое реле», для использования в фототелеграфе и получил 2 патента на это изобретение (1929г и доработка 1931г) рис. 2. Однако этот светодиод производился малой серией и использовался в опытно-экспериментальных изделиях фототелеграфа, разработку и испытания которого в 1929—1935 годах проводила НРЛ в которой работал Лосев.

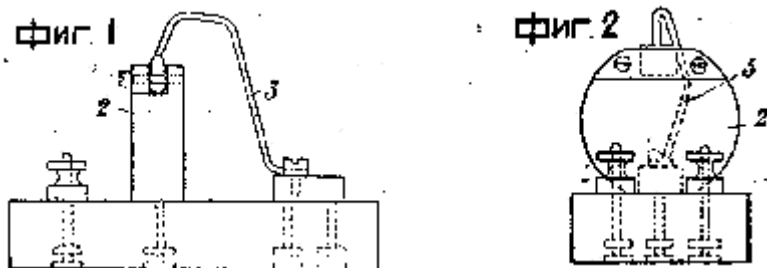

Рис. 2

Однако к производству было принято другое «световое реле» на основе лампы накаливания с ёмкостно управляемой диафрагмой. Этот фототелеграф ЗФТ-А4 устанавливался на почтамтах и передавал изображения

газет «Правда» и «Известия» из Москвы в другие города к 1941 году в 20 городов. Рис. 3.

Второй раз светодиод Лосева выпускался уже после войны. В 1962 г. в НИИ-311 было развернуто производство

светодиодов — на основе карбида кремния — **развитие идей Лосева** на более совершенной технологической основе. И хотя эти светодиоды отличались низкой эффективностью, но благодаря их без инерционности им было найдено важное применение в ядерной физике для калибровки счетчиков частиц. Их производство продолжалось несколько лет.

Также он изобрел Электролитический выпрямитель. АС № 28548 от 1932 г. Где применялся, не известно, вероятно, только радиолюбителями.

Также известно что Лосев изобрел так называемый Способ изготовления цинкитного детектора. Патент № 496 от 1925 г. Где впервые описан метод очистки полупроводников плавлением, используемый до сих пор. Рис.4

ПРИЕМНАЯ СТАНЦИЯ

Поступающие импульсы электрического тока проходят через усилитель и подаются к обкладкам керрконденсатора. Луч света, собранный линзой и пропущенный в пространство между обкладками керрконденсатора, изменяется в строгой зависимости от величины подводимого напряжения. Таким образом, электрические импульсы различной силы превращаются в световой пучок различной интенсивности. Этот луч света падает сквозь линзу на вращающийся барабан, на котором укреплена светочувствительная бумага. Так получается на приемной станции передаваемое изображение.

Освоение фототелеграфной связи началось в СССР с 1927 года, после приобретения в Берлине у фирмы Телефункен первого билдтелеграфа. Опытные передачи производились вагонами, груженными бумагой для типографий и готовым, отпечатанным материалом, мчавшимся в разные стороны по железным дорогам. В ночь, бурю и непогоду летят самолеты из центра

Сейчас в СССР находятся в эксплуатации шесть фототелеграфных линий, связывающих Москву с Ленинградом, Свердловском, Новосибирском, Ташкентом, Архангельском и Кие-

Рис. 3. Техника Молодежи № 9 1927

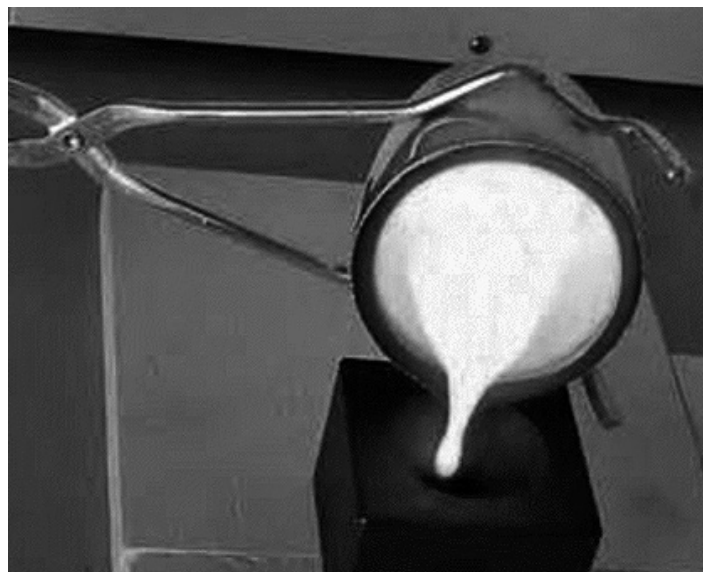

Рис. 4.

Еще Лосев изобрел метод много зондового зондирования полупроводников, который привел американских

ученых к созданию реально работающего транзистора. И который используется до сегодняшнего дня. Рис.5

По рис. 5 может быть прослежена роль отдельных слоев активного слоя. Мы видим, что падение потенциала несимметрично и зависит от направления тока для нижних наименее проводящих слоев p (см. диаграмму рис. 1) активного

Рис. 6.

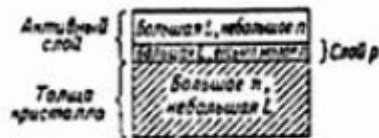

Рис. 7.

слоя. Эти слои — между зондами S_2 и S_4 на рис. 6, на рис. 5 несимметричные части заштрихованы.

Падение потенциала в толще кристалла симметрично, а при малых и средних плотностях тока для толщи справедлив даже закон Ома. Падение потенциала в месте контакта главного электрода G (рис. 5 и 6) и верхней области активного слоя незначительно и тоже симметрично (рис. 5, кривая I). Таким образом, выпрямительное действие не может быть отнесено ни за счет контакта, ни за счет толщ или контакта толщ со вторым электродом большой поверхности — нижним на рис. 1, 4, 6.

Рис. 5.

Таким образом можно сделать вывод, что не смотря на мнение самого Лосева в его автобиографии, главное его достижение не Кристадин, а вся его 20 летняя научная работа по исследованию полупроводников, до сих пор мало известная большинству историков и популяризаторов. Кроме радио приемников «Кристадин» и любительских радиопередатчиков,

промышленной мелкой серией выпускались светодиоды Лосева «детекторные световые реле». Так же был им изобретен Электролитический выпрямитель. Лосевым были изобретены способы очистки полупроводников и способ много зондового исследования полупроводников. Что значительно продвинуло вперед науку о полупроводниках.

Литература:

1. Гуреева О. Транзисторная история М.: Компоненты и технологии № 9 2006.
2. Мальцев С. Н. Роль Попова в создании радиотелефона и радиовещания. [Электронный ресурс] // Электронный периодический научный журнал «SCI-ARTICLE.RU». 2017. № 41. С. 250–255. URL: http://sci-article.ru/number/01_2017.pdf (дата обращения: 19.05.2018).
3. Morris P.R. A History of the World Semiconductor Industry. London: 1990.
4. Носов Ю. Р. Создание светодиодов и лазеров: вклад российских ученых. М.; ВИЕТ № 4. 2006.
5. Детекторный приемник-гетеродин. Патент № 467 от 1925 г.
6. Устройство для нахождения генерирующих точек контактного детектора. Патент № 472 от 1925 г.
7. Способ изготовления цинкитного детектора. Патент № 496 от 1925 г. (улучшение)
8. Способ генерирования незатухающих колебаний. Патент № 996 от 1926 г.
9. Детекторный радиоприемник-гетеродин. Патент № 3773 от 1927 г..
10. Способ регулирования регенерации в кристадинных приемниках. Патент № 4904 / 1928
11. Способ прерывания основной частоты катодного генератора. Патент № 6068 от 1928 г..
12. Способ предотвращения возникновения электрических колебаний в приемных контурах междуламповых трансформаторов низкой частоты. Патент № 11101 от 1929 г.
13. Световое реле. Патент № 12191 от 1929 г. (первый светодиод /LED)
14. Электролитический выпрямитель. № 28548 от 1932 г.
15. Световое реле. № 25657 от 1932 г. (светодиод/LED)
16. Способ трансформации частоты. № 29875 от 1933 г.
17. Способ изготовления фотосопротивлений. № 32067 от 1933 г.
18. Контактный выпрямитель. № 33231 от 1933 г.
19. Способ изготовления фотосопротивлений. № 39883 от 1934 г.

Истоки и причины создания сталинской модели экономики

Попов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент;

Муратов Дмитрий Михайлович, студент

Мичуринский государственный аграрный университет (Тамбовская обл.)

Экономика российского государства имеет многовековую историю. В разные исторические периоды происходили попытки коренным образом её изменить. Разумеется, все это было направлено на то, чтобы государство стало более сильным и приобрело значительный авторитет на международной арене. Индустриальная фаза развития в России началась значительно позже, чем в Западной Европе. Великие русские умы (западники и славянофилы) ещё в середине XIX века дебатировали тему о необходимости перехода к строительству основ рыночной модели экономики. Создатели теории «крестьянского социализма» А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский видели в капиталистическом пути развития огромную опасность для народа и, пытаясь с ней бороться, призывали к революции и строительству справедливого общества. Эпоха «Великих реформ» сгладила часть социальных противоречий, и государство ударными темпами завершило «промышленный переворот». В начале XX века в стране довольно успешно действовала рыночная модель экономики, и даже её «родимые пятна» в лице кризисов перепроизводства и монополистических форм капитала были налицо. По темпам роста промышленного производства Россия вошла в первую пятерку ведущих стран мира. Многоукладность экономики страны, множество нерешенных проблем социального плана и начавшаяся I Мировая война привели к демонтажу рыночной модели и строительству государства нового типа. Нельзя утверждать, что на момент Октябрьской революции ресурс существующей экономической модели был исчерпан. Но, опираясь на учение К. Маркса, совершили стремительную «атаку на капитал» и национализировали всю промышленность.

За относительно короткий период времени ими была построена экономическая система, которая оказалась более эффективной и позволила государству за 10–12 лет перейти из разряда аграрной страны в индустриальную [1, с. 11]. Её строительство имело следующую особенность: теоретическое обоснование принципов её создания отставало от практической деятельности. То есть, она создавалась методом проб и ошибок, причем определяющим фактором при этом была политическая воля и интуиция одного человека. По мнению доктора экономических наук, профессора В. Ю. Катасонова её можно называть мобилизационной или «экономикой Сталина». Не занимаясь апологетикой этой личности, обратимся к цифрам и сделаем на их основе простейшие выводы.

К 1913 году Российская империя поставляла на внешний рынок около 4 % промышленных и сельскохозяйственных товаров, это был пик её довоенных достижений. Реформы Столыпина стали сворачиваться после гибели их творца, и ожидать «экономическое чудо» от состава нового правительства не было ни каких оснований.

Индустриализация страны дала поразительные результаты: уже к концу 2 пятилетки (1937 г.) доля СССР на мировом рынке достигла 10%. Весь советский период истории государства продолжалось увеличение показателей нашего присутствия в международной торговле. Во времена брежневского «застоя» 20 % мирового рынка приходилось на нашу страну [2, с. 21]. Многие исследователи советского периода считают, что наиболее благоприятными для анализа становления и развития плановой экономики следует считать 1930-е и 1950-е годы. Индустриализация была действием оправданным. Страна находилась под большим внешним давлением, и только экономические проблемы в странах Запада явились сдерживающим фактором от попыток организовать очередную экспансию. «Великая депрессия» сковала рыночные модели ведущих стран мира, а мобилизационная экономика Советского Союза по объемам произведенной продукции вышла на второе место в мире. Нам кажется сейчас этот показатель совершенно фантастическим, но 9 тысяч новых крупнейших предприятий, построенных и введенных в эксплуатацию за 12 лет, являются серьезным аргументом в пользу эффективности возникшей системы [3, с. 18]. Были построены сотни новых городов, изменилась социальная структура общества, рабочий класс насчитывал десятки миллионов человек. Конечно, эти люди являлись выходцами из крестьян, и они меняли место жительства и работу под воздействием обстоятельств. Коллективизация сельского хозяйства началась практически одновременно с индустриализацией, и даже неопытный исследователь увидит в этих явлениях несомненную связь. Жесткость методов «раскулачивания» и быстрота создания коллективных хозяйств в плане моральных оценок достойны осуждения. Однако, право политической власти проводить структурные перестройки в экономике страны никем не подвергаются сомнению. С подачи либеральных историков сформировалось мнение, что 1930-е годы в СССР — это время многочисленных репрессий, формирование культа личности, создание тоталитарной политической системы. С отдельными пунктами этих высказываний трудно спорить. Создание государства нового типа, появление огромного количества социальных лифтов, приведшее к изменению структуры общества процесс длительный, и пройти этот путь, опираясь на ценности либерализма, не представлялось возможным. Модель мобилизационной экономики строилась с учетом мнения старых специалистов, но их опыт и знания не всегда являлись определяющими. Плановые задания пересматривались в ходе реализации и ужесточались. Что может заставить человека работать быстрее и эффективнее — страх. Характер этого страха может быть различным. Стояла задача подвергнуть изменению сознание

огромного количества вчерашних выходцев из крестьянской среды. Большую роль в этом деле сыграли работники культуры и образования, партийные организаторы. Большой частью этого страха были не происходящие репрессии, а резко убыстрившийся ритм жизни. С подачи государства создавалась шкала новых ценностей, и процесс их усвоения происходил с определенными трудностями. Для строительства мобилизационной экономики требовалось множество ресурсов и одним из главных были трудовые. Силовое давление не может считаться эффективным, если используется долгое время. На смену ему пришли методы поощрения за высокие результаты в труде. Движение «ударников», «стахановцы», организация социалистического соревнования и другие формы и мероприятия позволили к середине 1930-х наполнить большим смыслом фразу И. В. Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселее». Эти слова прозвучали в Москве, в одном из самых главных залов страны, на Первом всесоюзном совещании стахановцев. Формальные и неформальные методы поощрения за творческий и самоотверженный труд стали широко использоваться и приносить результат. К 1940 году уровень жизни населения был значительно выше, чем в начале индустриализации. Многочисленные критики утверждают, что можно было избежать применения крайних методов и провести реформы постепенно, так, например, Н. И. Бухарин предлагал теорию мирного встраивания «кулака» (крепкого хозяина) в социализм. К сожалению, историей был отпущен лишь короткий миг в мирном сосуществовании СССР и ведущих промышленно развитых стран Европы. Другие сроки для нашей страны оказались неприемлемыми. Поражает предвидение этой ситуации И. В. Сталиным, в феврале 1931 года он утверждал, что стране отпущено не более десяти лет мирной жизни и потому, следует создать сильную экономику в максимально сжатые сроки. [4, с. 23].

В большинстве современных исследований приводятся доказательства отсталости и неэффективности командно-административной экономической системы. Данные оценки на наш взгляд лукавы, современная Россия полностью отказалась от планирования и утратила системность, превратившись в сырьевой придаток Европейского Союза и других стран, покупающих природные ресурсы по недогим ценам.

Реальную оценку «экономического чуда» Сталинской экономики дало время. Против СССР в конце 1930-х начинают вестись тайные и явные войны. Выиграть их, опираясь на рыночную модель, не было никакой возможности. Экономика Англии, Франции и других европейских держав этого сделать не смогла в противостоянии с нацистской Германией.

Основными признаками советской экономики сталинской эпохи являлись общенародная собственность на все

средства производства; государственное планирование; централизованное управление всем народнохозяйственным комплексом; обеспечение экономической безопасности страны; ускоренное развитие отраслей, производящих машины и оборудование.

К. Маркс утверждал, что «ахиллесовой пятой» капитализма является противоречие в вопросе присвоения результатов труда. Производство, как известно, носит общественный характер, а вот большая часть полученной прибыли присваивается владельцем средств производства.

Сталинская экономика базировалась на иных принципах. Один из важнейших — результатами труда распоряжалось все общество. Именно оно, в лице государства, осуществляло распределение в соответствии с личным участием. Разница в оплате была, но она не являлась критической.

Одними из самых важных элементов этой модели были её плановый характер и цели, которые она преследовала. Прибыль как таковая не являлась вершиной айсберга, речь не шла за обогащение отдельных лиц, какие бы должности они не занимали. Главным являлся директивный характер планирования, учитывающий потребности государства в обеспечении суверенитета и уже затем, создании благоприятных условий для всех граждан [5, с. 4].

Планирование хозяйственной деятельности позволяет сделать иную трактовку законам спроса и предложения. Если государство целенаправленно осуществляет производство и удовлетворяет основные потребности населения (в определенной исторической перспективе), то исчезает угроза экономических кризисов. Как известно, именно их опасается более всего капиталистический мир.

В наше время термин «планирование» российские власти предпочитают не употреблять, он часто заменяется словом «дорожная карта». Создается впечатление, что это слово является устаревшим и потеряло своё содержание. Применяемая в Советском Союзе методика планирования опередила своё время: составлялся баланс с учетом возможностей выпуска продукции различными отраслями, что позволяло составить пропорции обмена промежуточными продуктами и определить объемы производства товаров. Таким образом, мы с полным основанием можем рассматривать СССР, в экономическом аспекте, как одну из величайших на тот момент корпораций, состоящую из множества участков и отраслей. Все они слаженно работают на создание конечного продукта. Отличительной особенностью, от рыночной модели, является не величина полученной прибыли, а удовлетворение потребностей государства и общества.

Учитывая систему разделения труда, специализацию отраслей и механизм кооперации эта модель достигла максимальной эффективности.

Литература:

1. Верхотуров Д. Сталин против великой депрессии. Антикризисная политика СССР. — М., 2009.

2. Сорокин Г. М. Планирование народного хозяйства СССР — М., 1961.
3. Куманев Г. Говорят сталинские наркомы. — Смоленск, 2005.
4. Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. — Новосибирск, 1991.
5. Хабарова Т. Социалистическая экономика как система (Сталинская модель) // Выступление на Молодежном семинаре по национальной безопасности при Госдуме ФС РФ. — М., 1997.

Эвакуация писателей в Ташкент в 1941 году

Рязанцева Юлия Андреевна, учитель истории
ГБОУ СОШ № 193 г. Санкт-Петербурга

В октябре 1941 года началась эвакуация писателей в Ташкент из Москвы и других городов. В Ташкент было эвакуировано много известных людей — учёные, режиссёры, актёры, поэты и писатели. [1. С. 107]

Что же побуждало писателей эвакуироваться в Ташкент? Конечно, же, это и давление сверху. На второй день войны по решению ВКП (б) и СНК СССР был создан совет по эвакуации. Когда в Москве оставаться было опасно, именно этот совет принял решение об эвакуации из столицы деятелей литературы и культуры.

Основная часть писателей была направлена в Ташкент — это А. А. Ахматова, К. И. Чуковский, его дочь Л. К. Чуковская, А. Н. Толстой, Вс. Вяч. Иванов, Ф. Г. Раневская, Н. Я. Мандельштам, Е. С. Булгакова, Н. Ф. Погодин, М. И. Белкина, Э. Г. Бабаев. Также туда эвакуировался сын М. И. Цветаевой — Г. С. Эфрон, который оставил нам большое количество записей в дневнике о жизни в Ташкенте.

Из письма Александра Александровича Фадеева, писателя и секретаря СП СССР в ЦК ВКП(б) товарищу И. В. Сталину, товарищу А. А. Андрееву, товарищу А. С. Щербакову, 13 декабря 1941 г, мы узнаём, что А. А. Фадеев имел персональную директиву от и комиссии по эвакуации вывезти писателей, «имеющих какую-либо литературную ценность». Там же мы узнаём, что список этих писателей был составлен работником ЦК совместно с А. А. Фадеевым. Он писал, что список «был достаточно широк — 120 человек, а вместе с членами семей из них — около 200 человек (учтите, что свыше 200 активных московских писателей находятся на фронтах, не менее 100 самостоятельно уехало в тыл за время войны и 700 с лишним писательских семей эвакуированы в начале войны)».

Из этого письма мы узнаём, что все писатели и их семьи, не только по этому списку, а со значительным превышением («271 человек») были лично А. А. Фадеевым посажены в поезда и о «отправлены из Москвы в течение 14 и 15 октября...». Для обеспечения выезда всех членов и кандидатов Союза писателей с их семьями, а также работников аппарата Союза (работников правления, Литфонда, Издательства, журналов, «Литгазеты», иностранной комиссии, клуба) комиссия по эвакуации

при Совнаркомом СССР по предложению А. А. Фадеева обязала НКПС предоставить Союзу писателей вагоны на 1000 человек («в эвакуации какого-либо имущества и архивов правления Союза было отказано»). А. А. Фадеев в письме отмечал: «за 15 и 16 октября и в ночь с 15го на 16-е организованным и неорганизованным путем выехала примерно половина этих людей. Остальная половина (из них по списку 186 членов и кандидатов Союза) была захвачена паникой 16 и 17 октября». Как известно большинство из них выехало из Москвы в последующие дни. [1. С. 108]

Во время эвакуации был беспорядок, он выражался в панике и в сложностях с организацией выезда писателей в Ташкент.

В воспоминаниях и дневниках описывалась паника, которая началась в Москве в середине октября 1941 г. В это время в столице складывается военный быт, закрывается метро, транспорт переполнен людьми, в магазинах скупают всё продовольствие. [2. С. 80]. Это паническое состояние в городе тоже толкало людей эвакуироваться в тыл. Проводилась массовая эвакуация правительства, академиков, театров, писателей и других.

Георгию Сергеевичу Эфрону-сыну М. И. Цветаевой на тот момент было 16 лет, но он уже понимал, что надо включиться в список эшелона в Ташкент. Он писал: «в Москве, все слишком грозно; грозит физическое уничтожение», «будет пальба, солдаты, и ни души, и бомбежка». [9. С. 7]

Выехал Г. Эфрон не один, а в сопровождении знакомого поэта-переводчика А. С. Кочеткова и его жены. [9. С. 71].

Мария Иосифовна Белкина — писательница и жена Анатолия Кузьмича Тарасенкова — критика и библиографа, писала, что долго не могла понять стоит ли покидать Москву и бросать все. Ее уговорили уезжать, пока не пришли немцы и пока есть возможность эвакуироваться. [6].

Художница Татьяна Александровна Луговская — сестра поэта и переводчика, Владимира Александровича Луговского, тоже не могла определиться — оставаться в Москве или эвакуироваться. [9. С.288].

В начале войны, в сентябре 1941 года, С. Я. Маршак при поддержке А. А. Фадеева, который на тот момент был

секретарём СП СССР, помог А. А. Ахматовой и другим литераторам выбраться из осажденного Ленинграда. Некоторое время А. А. Ахматова жила в московской квартире С. Я. Маршака на Чкаловской, потом уехала в Казань, а оттуда эшеленом, в котором С. Я. Маршаку было выделено два вагона для эвакуации писателей, выехала с Л. К. Чуковской в Ташкент. [8. С. 146].

В Казани в это время росло волнение о приближении немцев к Москве. Оттуда Л. К. Чуковская решила с детьми ехать в Ташкент. С ней в конце октября 1941 года, отправилась и А. А. Ахматова, а также в это же время, оттуда выехала семья писателя Вс. В. Иванова. [8. С. 150].

К. И. Чуковский был в списке тех литераторов, которые должны эвакуироваться с правительством из Москвы. Выбраться из Москвы было нелегко. Он писал, что двинуться в ЦК у него не было никакой возможности, так как площадь вокруг вокзала была заполнена народом — «на вокзал напирало не меньше 15 тысяч человек», где невозможно было даже пробраться к своему вагону. В дневнике К. И. Чуковский благодарил писателя Николая Евгеньевича Вирта, без помощи которого, он «застрял бы в толпе и никуда не уехал бы». На вокзале из-за толпы, он не мог найти машину с вещами. Но Н. Е. Вирта, который был репортёром и разъездным администратором провинциальных театров, «напористость, находчивость, пронырливость доходят у него до гениальности», надел орден и, придя к начальнику вокзала, сказал, что сопровождает члена правительства, имя которого не имеет право назвать, и потребовал, чтобы их пропустили правительственным ходом. К. И. Чуковский не знал, что он был выдан за «члена правительства» и был удивлён, когда их везде пропускали. Н. Е. Вирта и на станциях добывал хлеб для «таинственного члена правительства, коего он якобы сопровождал». Н. Е. Вирта в Ташкенте стал распорядителем жилья для ташкентских эмигрантов. [8. С. 185].

Писатели собирали впопыхах вещи, брали всё самое необходимое. Некоторые продавали вещи и везли с собой сумму денег. Г. С. Эфрон писал, что брал с собой ещё любимые книги, немного лёгких вещей и обуви. [3. С. 71]. Т. А. Луговская вспоминала о том, что новость об эвакуации появилась внезапно и время, чтобы собрать вещи с собой было всего два часа. [3. С. 288].

В октябре 1941 года вышло несколько эшелонов с эвакуированными в Ташкент. Вокзал был заполнен людьми с вещами, пробираться к вагонам было трудно.

Чего ожидали и на что надеялись писатели в эвакуации в Ташкенте?

Многие не хотели прощаться со своими квартирами, комнатами, вещами. Ташкент был неизвестностью и ожиданием тяжёлых бытовых условий. К. И. Чуковский испытывал страх в дороге. Особенно его пугала неизвестность судеб его детей. Сыновья К. И. Чуковского — Николай Корнеевич и Борис Корнеевич — осенью 1941 года добровольцами ушли на фронт, и от них не было никаких известий. [8. С. 335]. Он писал в дороге: «Не знаю где Боба. 90 процентов вероятности, что он убит. Где Коля? Что будет с Лидой? Как спасется от голода и холода Марина? Это мои четыре раны». [8. С. 185].

Г. С. Эфрон свой выезд из Москвы называл риском, но надеялся получить помощь в эвакуации. [3. С. 74]. Некоторые считали, что в Ташкенте не пропишут, а как переправочный пункт. Желавших эвакуироваться было много, и так как Г. С. Эфрон не был членом Союза писателей, он боялся, что его эвакуируют в последнюю очередь. Также он также испытывал страх быть брошенным в Азии. [9. С. 87].

Никто не знал, что будет в Ташкенте. Считали, что в этом городе совершенно нельзя устроиться из-за огромного количества народа, которого эвакуировали туда. Многие думали, что работы там найти невозможно. М. И. Белкина ожидала бараки и бытовые трудности. [5. С. 69]. Но в Азию ехали с надеждой, что там тепло и не так голодно.

Литература:

1. Александр Фадеев. Письма и документы из фондов Российского Государственного Архива литературы и искусства. М., 2001 г.
2. Иванов Вяч. Вс., Дневники. — М., 2001 г.
3. Луговская. Т. А. Как знаю, как помню, как умею. — М., 2001.
4. Переписка А. Н. Толстого. В 2 т. Т. 2. М., 1989 г.
5. Письмо М. И. Белкиной к А. К. Тарасенкову. // Громова Н. А. Эвакуация идёт... 1941—1944. М.: 2008 г.
6. Твардовский А. Т. и Твардовская М. И. Несгоревшие письма. Знамя. 1997. № 10.
7. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой (1907—1996): в 3 т. Т. 2. М., 2007.
8. Чуковский К. И. Дневник (1930—1969) — М., 1994.
9. Эфрон Г. С. Дневники: в 2 т. Т. 2: 1941—1943 годы. — М., 2004.

Репрезентация военной истории России в творчестве группы Sabaton

Чупрасова Дарья Сергеевна, выпускник
Московский педагогический государственный университет

Томислав Шола, известный хорватский музеолог, в своей книге «Вечность здесь больше не живет», сказал о военных музеях следующее: «...музеи существуют для того, чтобы увековечивать ценности, а не ненависть, какой бы природы она ни была, не должна преумножаться» [12, с.106]. Иван Гринько в своей статье «Нам необходимо услышать этих солдат» отмечает, что «военная история в России является одним из перманентных объектов национальной гордости, а традиции милитаризации культуры имеют давнюю историю» [7]. Однако исследования ВЦИОМ показывают, что все меньший процент россиян с точностью может назвать основные даты Великой отечественной войны [3], что уж говорить об остальных войнах и значимых исторических событиях России. Также исследования ВЦИОМ от 2014 года показывают, что только 12% опрошенных смогли назвать Антанту и Тройственный союз в качестве противников в Первой мировой войне [5].

При этом современный человек в основном получает новую информацию не из прямых источников, а из медиа: интернета, кинематографа и музыки. Зачастую именно кинематограф становится источником знаний по истории не только для молодежи, но и для тех, кто старше. Кроме того, и музыка, и кинематограф являются важными, можно сказать, основополагающими элементами формирования исторической памяти. В отличие от фильмов, немногие музыкальные группы и исполнители обращаются к историческим событиям — чаще всего это рок-исполнители, хотя историческая тематика встречается и в творчестве инди-, фолк-групп и даже исполнителей-лириков. То, что воспринимается слушателем исключительно как приятная мелодия и текст, на самом деле зачастую является тщательно проработанным материалом. Именно поэтому для формирования исторической памяти и углубления исторических знаний у современного человека вполне возможно обратить внимание на кинематограф и музыку.

Исследователи отмечают, что одной из ведущих тем в рок-музыке является тема смерти: «В настоящее время, при отсутствии идеологических и нравственных запретов, данная тема широко распространяется в культуре всех стран, независимо от их политической или религиозной организации» [4, с. 196]. Зачастую тема смерти перекликается с темой войны, военных действий. Из этого вытекает прямая связь между исполнителями рок- и метал-музыки и исторической (военной) тематикой.

Многие рок- и метал-исполнители отечественной и зарубежной сцены в разные этапы своего творчества обращаются к исторической тематике — к примеру, группа Ария с ее «Прощай, Норфолк!» и «Атака мертвецов» (оба трека посвящены Первой мировой войне); Iron Maiden «Death and Glory» (Первая мировая война) и «Montségur»

(Альбигойский крестовый поход). Однако основным направлением этих групп является фантастическая и зачастую «инфернальная» тематика. Кроме того, исследователи военно-исторической тематики в отечественной рок-музыке выделяют в своих работах следующих исполнителей: группы Глеб Самойлов & The Matrixx, Гражданская оборона, НАИВ, Мастер и др. [9].

Одной из самых известных в мире исполнителей песен с исторической тематикой является шведская метал-группа Sabaton. Многие песни непосредственно касаются истории России. Кроме того, выступая в той или иной стране, группа подбирает соответствующий плейлист: в России это песни о русской истории, в Польше — о польской и так далее. За свой вклад в сохранение интереса к польской истории участники группы даже получили паспорта почетных граждан Польши.

Солист группы так охарактеризовал принцип, по которому они выбирают темы для своих песен: «В некотором смысле музыка сама выбирает за нас тему. «О, мы должны написать песню про Наполеона», — мы начинаем изучать Наполеона, и мы понимаем, что этот парень не для песни. Это идея для альбома или хотя бы трех песен. [...] Иногда у тебя есть отличная история, но ты не можешь найти песню для нее. Иногда есть отличная песня, а ты не можешь найти подходящую историю» [15].

В первом же альбоме группы, выпущенном в 2005 году — «Primo Victoria» — есть песня «Stalingrad», посвященная одноименной битве в ходе Великой отечественной войны (17 июля 1942—2 февраля 1943 гг.): «Из Москвы мы идем на подмогу товарищам, город в отчаянии, практически уничтоженный армией фюрера»¹.

Во втором альбоме («Attero Dominatus», 2006 г.) присутствует одноименная песня, посвященная штурму Берлина в 1945 г. В песне упомянуты как маршал Жуков («Маршал Жуков приказывает: принесите мне Берлин на блюде!»), так и Сталин («Товарищ Сталин приказывает: принесите мне его голову на блюде!»).

В альбоме 2008 г. («The Art of War») уже две песни посвящены военной истории России — «Talvisota» и «Panserkampf». Первая песня (talvisota в переводе с финского языка — Зимняя война) посвящена событиям Советско-финской войны (30 ноября 1939—13 марта 1940 гг.): «Было выбрано снежное царство, снег был глубок, и заморожен ад, Сталин намерен напасть». Вторая песня (Panserkampf с немецкого — «танковый бой») посвящена битве на Курской дуге (5 июля — 23 августа 1943 г.): «В Советском Союзе, летом 1943 года, танки выстраиваются тысячами в ряд, так далеко, как может видеть глаз».

¹ Здесь и далее — перевод автора.

Альбом 2012 года «Carolus Rex» отличается от всех других альбомов группы: во-первых, он полностью посвящен истории Швеции, во-вторых, альбом вышел в двух версиях, на английском и на шведском языке. Этот альбом появился под влиянием мнения фанатов: «Когда тебя постоянно спрашивают: «Вы поете о войнах в других странах, когда вы будете петь о своей собственной истории?», а вы задумываетесь и осознаете, что, вероятно, в этом что-то есть. Это был также наш шанс рассказать историю о том, как маленькая страна на севере может вырасти и стать одной из крупнейших военных держав того времени» [1]. Военная история Швеции напрямую связана с историей России. Можно сказать, что именно войной с Россией и закончилась власть Швеции на море. Песня «Poltava» посвящена Полтавской битве (27 июня 1709 г.) между войсками шведского короля Карла XII и Петра I: «Русская армия заблокировала им путь, 20 тысяч потеряно в тот день, их кровь в земле, в которой они обрели покой». Во время концерта в России, перед этой песней, солист группы Йоаким Броден заявил, что его предки еще 300 лет назад уяснили, что «Россию лучше не трогать» [2].

Концепция альбома 2014 года («Heroes») несколько отличается от принятой группой ранее. Гитарист группы Пэр Сундстрем так охарактеризовал эти изменения: «Мы решили писать о личностях вместо значительных сражений. [...] Эти личности выходят за рамки чувства долга, идут по трудному пути ради блага остальных» [14]. Заглавная песня альбома — «Night Witches» — посвящена 588-му ночному женскому легкомобильному авиополку по прозвищу «Ночные ведьмы».

В последнем на момент написания этой работы альбоме — «The Last Stand», 2016 год — еще одна песня посвящена битвам в российской истории. Это песня «Hill

3234», посвященная бою у высоты 3234 (7–8 января 1988 г.) в ходе Афганской войны. Сами исполнители выделяют эту песню среди других, называя ее более «жесткой» и «тяжелой».

В 2013 году, когда Sabaton должен был выступать в Волгограде на концерте в честь 70-летия Сталинградской битвы, волгоградский политик заявил, что группа «прославляет нацизм». Сама группа отнеслась к этому заявлению с юмором (в своем интервью Йоаким Броден предположил, что это такая же ситуация, как если бы Стивена Спилберга обвиняли в том, что он нацист, потому как он демонстрирует нацистскую форму в своих фильмах [13]), впоследствии их концерты с большим успехом проходили и в России, и в странах СНГ.

Таким образом, вопреки тому, что Sabaton — шведская группа, исполняющая песни преимущественно на английском языке, она оказывает значительное влияние на формирование исторической памяти в среде россиян, слушающих «тяжелую» музыку. Она формирует устойчивый интерес не только к отечественной истории, но и истории других стран — и не только XX века.

Мы можем отметить, что уровень исторического знания в России довольно невысок, в то время как, согласно социологическим опросам, почти половина опрошенных респондентов предпочитает рок-музыку и различные ее направления. Таким образом, углубление исторического знания через музыкальные произведения может стать одним из направлений использования интерактивных технологий в образовательном процессе. Эта идея не нова: многие исследователи предлагают обращаться к рок-музыке в образовании — в изучении не только истории, но и обществознания [10], языков [6], музыки [11], а также в процессе нравственного воспитания в рамках внеклассной деятельности [8].

Литература:

1. Sabaton: «В Сибири красивых девушек так же много, как и в Скандинавии» // KM.RU. — URL: <http://www.km.ru/muzyka/2012/06/09/muzyka-v-mire/sabaton-v-sibiri-krasivykh-devushek-tak-zhe-mnogo-kak-i-v-skandinavi> (дата обращения: 30.04.2018).
2. SABATON: НЕ НАДО ТРОГАТЬ РОССИЮ! // ROCKCOR. — 2017. — № 1.
3. ВЦИОМ: Каждый 10-й россиянин не знает дату начала ВОВ. // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/society/21/06/2007/5703c7f09a79470eaf765eb7> (дата обращения: 30.04.2018).
4. Ерохина Т. И., Мосеева М. И. Источники влияния глобальных тенденций в культуре: трансформация темы смерти в рок-музыке. // Ярославский педагогический вестник. — 2013. — № 3. — С. 196–202.
5. Инфографика ВЦИОМ: Забытая война // ВЦИОМ. — URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/past-future/article/zabytaja-voina.html> (дата обращения: 30.04.2018).
6. Коломин И. В., Синева Ю. О. К вопросу о влиянии британской рок-музыки на изучение английского языка // Язык, культура и научно-технические инновации в странах изучаемых языков. — Иркутск: Изд. ИНИТУ. — 2016. — С. 171–177.
7. Нам необходимо услышать этих солдат... // Музей. — 2014. — № 8. — С. 22–28.
8. Новокрещенных Л. Д., Антонова С. В. Отечественная рок-музыка как средство нравственного воспитания подростков во внеклассной деятельности // Вестник Краснодарского Государственного Института Культуры. — Краснодар: Изд. КГИК. — 2016. — С. 10.
9. Огнева, Т. Н. Тематика войны и противостояния и специфика образа родины в отечественной рок-поэзии 1980–2000х гг. // Язык. Культура. Коммуникации. — Изд. Ю-УГУ. — № 1. — 2014. — С. 24.

10. Соболева О. Б. Рок-урок: использование отечественной рок-музыки в обучении обществознанию // Современные методы в современном преподавании. — Издательство: ГПИБ. — 2007. — С. 137–142.
11. Степанова О. А. Место рок-музыки в музыкальном образовании подростков // Роль инноваций в трансформации современной науки. — Уфа: Изд. Аэтерна. — 2017. — С. 41–44.
12. Шола Т. Вечность здесь больше не живет. — М., 2014. — 360 с.
13. Facts Over Fiction: Interview with Joakim Brodén From Sabaton // California Rock News. — URL: <https://californiarocknews.com/2018/02/13/sabaton-kreator-wilern-draft/> (дата обращения: 30.04.2018).
14. Sabaton // Grande Rock ezine. — URL: <http://www.grande-rock.com/sabaton-2014> (дата обращения: 30.04.2018).
15. SABATON Is Working On Material For Follow-Up To «The Last Stand» // Blabbermouth.net. — URL: <http://www.blabbermouth.net/news/sabaton-is-working-on-material-for-follow-up-to-the-last-stand-says-par-sundstrom/> (дата обращения: 30.04.2018).

АРХЕОЛОГИЯ

О монетах Средней Азии, хранящихся в нумизматической коллекции Государственного музея искусств Узбекистана

Нуридинова Тамара Садридиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственный музей искусств Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан)

В нумизматической коллекции Государственного музея искусств Узбекистана хранятся более 540 медных и серебряных монет, выпущенных в разных странах Европы и Азии в разные исторические периоды. Среди них серебряные монеты — денарий Древнего Рима, которые являются особой гордостью музея. Их появление в Средней Азии связано с историей Великого Шелкового пути. [1, с.9]

Ни при Ахеменидах, ни при Александре Македонском своей монеты в Средней Азии не было, как не было видно, сколько-нибудь развитого денежного обращения. Первые местные монеты выпускаются при Селевкидах сыном Селевка Антиохом в первой половине III до.н. э. в Бактрии. [2, с. 177] Они чеканились по греческим образцам, имели греческую легенду и изображение правителя в профиль. Также эти монеты именовались греческими названиями: золотые — «статерами», серебряные — «тетрадрахмами», драхмами, полудрахмами и «оболами» (шесть часть драхма). Даже вес монет был идентичен аттическому: «тетрадрахм» — 16 гр., драхма — 4 гр. [3, с.35–40]

В середине III до.н. э. восточные области отпали от Селевкидов и здесь образовалось Греко-Бактрийское царство, включавшее часть Средней Азии, Афганистан и часть Индии. Для повседневной торговли выпускались медные монеты Греко-бактрийского царства во многом в продолжение Селевкидских традиций. На аверсе портрет царя, на реверсе изображение одного из греческих божеств (Зевс, Афина, Геракл, Аполлон и др.). Заметно и местное влияние, некоторые из этих божеств имели черты восточных богов. В надписи монет включили сперва, лишь титул «басилевс», имя царя, а затем их эпитеты, такие как «великий» или «божественный». Надписи передавались греческими письменами. Деньги выпускались из золота, серебра и меди. Монеты Греко-Бактрии прекрасные образцы медальерного искусства.

Если в Средней Азии находки монет Селевкидов были редкими, то греко-бактрийские находки гораздо больше. Это говорит о широкой денежной торговле, не только международной, но и внутренней.

С падением Греко-Бактрии монеты Северной Бактрии чеканились по образцу свергнутых царей, как привычных для обращения в местной среде. Мелкие номиналы по образцу оболон Евкратиды, крупные по тетрадрахмам

Гелиокла, на которых искаженный портрет царя постепенно сменяется образом местного правителя. Их выпускали много, особенно находят больше в долине Сурхандарьи и Шерабада. [4, с. 271]

С созданием Кушанского царства выпускаются новые типы монет и в правление Вимы Кадфиза II (конец I — нач. II в. н. э.) проводится монетная реформа. [5, с. 25]

В основу денежного обращения заложились золотые — статеры, весом в 8 гр. и бронзовые монеты. Их выпускали в большом количестве, и они приблизились в международной торговле к римскому золоту, которое занимало тогда ведущую роль. При Кушанах изображение греческих богов сменяется местными (зороастрийскими и буддийскими). Таковы: божество плодородия — Анахита, Митра — солнечное божество, Фаро — символ богатства и царской власти.

В I веке и первой половине III века в Мовераннахре существовало три большие нумизматические провинции — три локальные области денежных отношений, различающиеся друг от друга весовыми стандартами и металлом монет. Первая — в Хорезме, где чеканились крупные серебряные и бронзовые монеты разных номиналов. Вторая — в Согде, где выпускались крупные серебряные монеты одного номинала и мелкие разных номиналов. Третья — Северная Бактрия, входившая в сферу Кушанской денежной системы, основанной на выпуске золотых и бронзовых монет. В Фергане роль денег выполняли китайские бронзовые монеты у-шу. О выпуске Чачских монет сделать вывод трудно, поскольку мало сведений.

В VII веке усиливается раздробленность на территории Средней Азии, это в значительной степени облегчило арабам завоевание этих территорий. В 651 году арабы захватили Мерв — центр Хорасана. Отсюда началось завоевание в конце VII века Мовераннахра. При халифе Абд ал-Малике (685–705 гг.) установился халифатский монетный тип. Монеты чеканились без изображения, в центре кружка, помещался лишь символ веры — калима, имя халифа, название места выпуска и дата по хиджри. В денежном обращении были монеты из золота, серебра и меди (динар, драхма, фельс). Основу денежного обращения составляло серебро — драхма. Их выпускали в монетных дворах миллионами не только халифату, но и в международной

торговле. Их чеканили в Бухаре, Самарканде, Шаше (область Ташкента) и Фергане.

Из-за постоянных восстаний народов Средней Азии против арабов халифат вынужден был привлечь для управления мятежной областью местных аристократов. Однако это не привело к укреплению центральной власти, а к отпадению Мовераннахра от центра. В 821 г. Тахир ибн-Хусайн — основатель династии Тахиридов, был назначен наместником Хорасана. Династия подчинялась халифату, отправляли в казну налоги, но во внутренней политике была самостоятельной. Наместниками Мовераннахра, которые подчинялись Тахиридам были первые Саманиды. Их родоначальник Саманхудат, происходил по одним данным из Самарканды, по другим из Балха или Термеза. Внуки его Нух, Ахмад и Яхъё — халифом Мамуном были назначены в разные области наместниками Мовераннахра, при правнучке Саманхудата Исмоила ибн Ахмада Хорасан присоединяется к его владениям. (X в.)

Первые Саманиды выпускали медные монеты, основу денежного обращения которых составляли дирхемы, а динары большого значения не имели. Саманидские монеты чеканились высокопробными, поэтому уходили за пределы государства.

В течении IX—X веков с мусульманского Востока, в частности из Средней Азии в Европу, Русь шел мощный поток дирхемов. [6, с.73,77] О чем свидетельствует повсеместное нахождение кладов этих монет и серебряных изделий. В стране их оставалось немного, поэтому для нужд местного населения выпускались дирхемы бухархударского типа не общемусульманского образца, со схематическими человеческими изображениями и короткими арабскими надписями. Эти так называемые «черные дирхемы» делились на три разновидности «Мусеябы», «Мухаммади» и «Гитрифи». По предположению Е. А. Давидович «больше всего серебра содержалось в «Мусеябы», мало серебра «Мухаммаде», в «Гитрифах» серебра совсем не было. Эти дирхемы выпускались на протяжении VIII—X веков. Трудно определить их точное время, но даже столетия выпуска по самой монете установить невозможно. Монеты Саманидов чеканились в 30 монетных дворах (Самарканде, Бухаре, Шаше, Фергане). Медные монеты выпускались в большом количестве, в них не упоминалось имя халифа, зато помещалось имя местных правителей. В 1219 году Чингизхан завоевал Среднюю Азию и принес огромные бедствия и разрушения стране. Чингизхан свою огромную империю разделил между сыновьями. Мовераннахр — вошел в улус Чигатая, Хорезм — в улус Джучи (позднее Золотая Орда).

Самое первое время после монгольского завоевания в Средней Азии продолжали ходить старые монеты — ануштегиндские и, видимо, караханидские. Но едва ли не сразу начался выпуск чеканенных, от имени Чингизхана так и (анонимных) без упоминания какого-либо государя, с именем одного халифа Насира. Монеты медные посеребрённые дирхемы выпускались в Бухаре и в Самарканде,

в последнем иногда выпускались и динары для широкого хождения, а дирхемы предназначались лишь для той области, где были выпущены. Затем эти монеты исчезают из обращения. В середине XIII века начинают выпуск динаров, которые принимались на вес.

В 1271 году в улусе Чагатай проводилась денежная реформа, благодаря ей, начался выпуск чистых серебряных монет с весом в 2 гр. Другая денежная реформа проводилась Кепекханом в 1321 году теперь вес дирхема составляет 1,4 гр, а золотые динары весили 3 гр. Таким образом, создавались лучшие условия для внутренней и внешней торговли. В середине XIV века с падением государства Чагатаидов установилась власть Амира Тимура. С начала своего правления он обратил особое внимание на реформу денежного хозяйства. Самая ранняя его монета датируется 1372 годом. Они выпускались в подражание Чагатаидским. Амир Тимур в 80-х годов XIV века провел денежную реформу на основе, которой выпускаются серебряные монеты двух номиналов крупные назывались «Танга» д-2,5—3 см, вес — 6,40 гр. «Мири» — мелкие серебряные монеты д-1,5 см, вес 1,5 гр. Термин «Мири» — берет название от «Амир» титул правителя. [7 pg 22—25] Кроме этих двух номиналов для мелкой розничной торговли выпускаются мелкие монеты «фулуси», они чеканились в 50 монетных дворах от Малой Азии до Индии. Монеты Амира Тимура и Тимуридов имеют свои особенности: Чагатаидская танга заменяется монетой Амира Тимура в виде трех колец или кружков; надписи переданы арабским алфавитом на монгольских и арабских языках; до 1388 года на монетах Амира Тимура помещалось имена Чингизида Мухаммада Суяргатмышы, а до 1405 года его сына Султана Махмуда вместе с именем Амира Тимура. Почти всегда на монетах Амира Тимура выбит символ веры, но только на одной стороне, упоминание города и года чекана монеты чаще даются цифрами. Монеты Амира Тимура хранятся во многих музейных коллекциях Европы и Азии.

В Мовераннахре внук Амира Тимура Мирзо Улугбек в 1428 году провел денежную реформу и было объявлено, что все выпущенные прежде медные монеты запрещены, но их можно обменять на новые. Эти новые монеты чеканились по единому образцу, чтобы облегчить обмен старых денег на новые. Их выпускали на многих монетных дворах в Андижане, Ташкенте, Бухаре, Карши и Гисаре. После того как обмен закончился, все монетные дворы были закрыты, кроме бухарского, на котором до самой смерти Улугбека выпускались медные монеты прежнего облика, но даже с той же датой, что и год начала реформы. Эта реформа полностью обеспечила разменной монете — монетой надежной, которая в течение почти трех десятилетий ходила по твердому курсу во всем Мовераннахре.

Во второй половине XV в. стремясь извлечь побольше доходов из монетной чеканки, казна часто объявляла прежние монеты недействительными. Но теперь их изымали из обращения не заменить новыми, а чтобы нанести новые чеканы. Доход получился от этого немалый, затраты же для казны были минимальными. Чтобы быстрее

изъять у населения объявленную вне закона медную монету, надчеканить ее и вновь пустить в обращение, специально организовывали, небольшие монетные дворы, даже в таких населенных пунктах, где раньше никогда их не было (Кобадияне, Наубазаре и др).

Очень интересное, хотя и редкое явление в чекане Темуридов в Мовераннахре — изображение живых существ, их ислам запрещал, хотя на практике этот запрет нередко нарушался. На одной из типов дореформенных самаркандских монет Улугбека — изображен лев, из-за спины его восходит солнце. Это, как известно герб Тимура: такой герб Клавихо видел на фасаде дворца Тимура в Шахрисабзе. Судя по монетам этот герб перешел к его потомкам.

В начале XVI века Тимуридское государство сменила новая династия Шейбанидов (XVI—XVII вв). В коллекции

музея монеты этого периода представлены не значительно, большой интерес представляют монеты династии Джанидов (XVII—XVIII вв.), которые чеканили тенги из чистого серебра. Главной особенностью тенги Джанидов была их неправильная форма. На лицевой стороне в картуше давалось имя царя с титулом и дата, причем, только цифрами. На оборотной стороне монеты писался символ веры и имена 4 халифов как на Шейбанидских тенгах. [8, с. 71] Монетных дворов было у немного Бухара, Самарканд, Ташкент и Гисар, регулярно работал из них лишь монетный двор Бухары.

Таким образом, изучение монет из коллекции Государственного музея искусств Узбекистана играет важную роль в изучение не только истории Узбекистана, но в целом всей Центральной Азии.

Литература:

1. Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии 1930—1931 гг., Материалы УЗКОМСТАРИСА, вып.3. 1938.
2. Ртвеладзе Э. В. Модели генезиса монетной чеканки в Среднеазиатском Междуречье; На Среднеазиатских трассах ВШП; Ташкент, 1990.
3. Ртвеладзе Э. В, Пидаев Ш. Р. Каталог древних монет южного Узбекистана. — Ташкент, 1981.
4. Древнейшие государства Кавказ и Средней Азии; Москва. 1985.
5. Зеймаль Е. В Монеты Великих Кушан в Государственного Эрмитаже; Труды Государственного Эрмитажа. вып. 9, Ленинград. 1967.
6. А. А. Быков Находки Средневековых индийских монет в Восточной Европе; Эпиграфика Востока; вып. XIX Ленинград. 1969.
7. Coins of the Timurid's dynasty. Tashkent, 1996.
8. Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов), Душанбе, 1964.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

VI Международная научная конференция
г. Москва, июнь 2018 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*

Верстка: *О. В. Майер*

Подписано в печать 24.06.2018. Формат 60x90 ¹/₈.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,6. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 300 экз.

Издательский дом «Буки-Веди», г. Москва

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.